

Санкт-Петербургская православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

А.И. Садов

Религиозно-нравственные взгляды
Кв. Горация Флакка

Опубликовано:
Христианское чтение. 1886. № 9-10. С. 380-402.

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия (www.spbda.ru),
2010. Материал распространяется на основе некоммерческой лицензии
Creative Commons 3.0 с указанием авторства без возможности изменений.

Издательство СПбДА
Санкт-Петербург
2010

Религіозно-нравственныя взгляды Кв. Горація Флакка ¹⁾.

Пытливый изслѣдователь религіозно-нравственныхъ воззрѣній древнихъ римлянъ можетъ искать и находить матеріалъ для себя въ разнообразнѣйшихъ памятникахъ римской письменности и литературы, начиная съ надгробныхъ надписей, составленныхъ болѣе или менѣе простыми людьми, и кончая произведеніями образованнѣйшихъ римскихъ писателей. Но при этомъ для изслѣдователя естественно представляютъ особенную цѣнность мнѣнія и сообщенія такихъ авторовъ, которые, при широко развитыхъ духовныхъ силахъ, были поставлены въ многоразличныя отношенія съ другими людьми, были чутки къ явленіямъ современной имъ жизни, откликались на многообразныя запросы своего времени и своего народа, были выразителями его идей и стремленій. Если даже писателями этой категоріи сообщается мало данныхъ по предметамъ религіозно-нравственнымъ, то и въ такомъ случаѣ ихъ мнѣнія имѣютъ значитель-

¹⁾ При составленіи этого очерка авторъ имѣлъ подъ руками тѣ комментированныя изданія всѣхъ или некоторыхъ произведеній Горація, которыя выпустили *Orelli, Nauck, Schütz, L. Müller, Kiessling, Düntzer, Krüger, Modestow* и друг.,—брошюру: *Quintus Horatius Flaccus. Eine litterarhistorische Biographie von L. Müller, 1880*,—брошюру: *Characteristik des Horaz, von Teuffel, 1842*,—статью: *Lebensphilosophie vom christlichen Standpunkte aus mit Berücksichtigung des Lebensphilosophie des Horatius, von G. Rizzi, помещенную въ Programm des k. k. Gymnasium zu Bozen, veröff. am Schlusse des Schuljahres 1856—57*,—соч. *Буассе, Римская религія отъ Августа до Антонина*, въ перев. М. Корсака, 1878, — книгу: *Horaz. Seine Bedeutung für das Unterrichtsziel des Gymnasiums und die Principien seiner Schulerklärung, von Weissenfels, 1885*, и другія сочиненія, которыя будутъ указаны въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ.

ную цѣну: самый даже фактъ малочисленности и неопредѣленности ихъ замѣчаній характеристиченъ и можетъ послужить однимъ изъ основаній для интересныхъ наблюденій и выводовъ.

Кв. Гораций Флаккъ былъ однимъ изъ такихъ писателей. Онъ имѣлъ возможность знать своихъ современниковъ и требованія вѣка, вглядывался въ римскую жизнь, и его наблюденія надъ нею такъ или иначе отражались въ его поэтическихъ созданіяхъ. Его воззрѣнія на предметы религіозно-правственные до извѣстной степени могутъ быть признаны типическими для многихъ римлянъ той поры. Правда, онъ сравнительно не часто касается вопросовъ вѣры и морали и даетъ не особенно много матеріала для изученія религіозно-правственныхъ понятій современнаго ему римскаго общества; тѣмъ не меньше то, что можно у него найти по данному предмету, имѣетъ существенное значеніе для характеристики религіозныхъ и моральныхъ понятій римскаго образованнаго общества конца республики и начала имперіи. Прежде же всего, при изученіи поэзіи Горация въ указанномъ отношеніи, открываются многія важныя черты и детали въ его собственной духовной жизни, которыя и сами по себѣ, независимо отъ ихъ значенія для характеристики времени, въ высокой степени интересны.

I.

Венузійскій поэтъ жилъ въ такое время, когда старинная римская религіозность безвозвратно отходила въ область прошедшаго. Наивной вѣрѣ въ боговъ, которою жилъ древній римлянинъ, теперь уже не было мѣста въ образованномъ римскомъ обществѣ рядомъ съ воззрѣніями тѣхъ греческихъ философскихъ школъ, особенно эпикурейской и новоакадемической, которыя проникли въ Римъ и здѣсь непрестанно расширяли сферу своего вліянія на умы. Правда, при Августѣ въ теоріи нѣкоторыми признавалась польза возвращенія къ древнимъ вѣрованіямъ ¹⁾. Но извѣстно, что тео-

¹⁾ И въ римской литературѣ указываютъ слѣды существовавшего въ Римѣ протеста противъ матеріалистическаго направленія атомиста Лукреція, поклон-

ретиическое признаніе чего нибудь и проведеніе такого сознанія въ рядѣ послѣдовательныхъ дѣйствій—вещи весьма различныя. Людямъ, которые увлекались эпикурейской философіей, въ изложеніи напримѣръ Лукреція, и читали сочиненія, пропущенныя или по крайней мѣрѣ окрашенныя скептицизмомъ новой академіи (напримѣръ соч. Цицерона *De divinatione*), было невозможно вполне отрѣшиться отъ подобныхъ впечатлѣній и влѣяній, если бы, съ теченіемъ времени, они и сдѣлались вообще консервативнѣе и возымѣли намѣреніе возвратиться къ вѣрѣ отцовъ. Притомъ даже на лучшихъ членахъ римскаго общества времени имперіи не могъ не отражаться господствовавшій въ этомъ обществѣ духъ легкомыслія и безпривычности.

Гораций былъ членомъ этого общества. Указаннымъ обстоятельствомъ уже отчасти предрѣшается отвѣтъ на поставленный выше вопросъ касательно его религіозныхъ взглядовъ. Характеръ и содержаніе воззрѣній Горация станутъ еще яснѣе и понятнѣе, если принять въ соображеніе влѣяніе на него философскихъ ученій и его натуру. Эпикуреецъ въ молодые годы, Гораций съ теченіемъ времени сталъ склоняться къ стоической философіи; но даже и въ позднѣйшіе годы жизни онъ не былъ строгимъ послѣдователемъ одной философской школы¹⁾, предпочитая быть эклектикомъ. Сообразно съ симъ измѣнялись отчасти и его религіозныя понятія. На измѣненіе тѣхъ же понятій, на ихъ складъ и характеръ въ данную пору оказывало также не малое влѣяніе настроеніе поэта въ эту пору, составлявшееся подъ дѣйствіемъ разныхъ обстоятельствъ времени и мѣста, къ которымъ бывають обыкновенно такъ чувствительны поэтическія натуры. Такимъ образомъ изслѣдователя не можетъ приводить въ особенное недоумѣніе ни замѣчаемый у Горация

ника Эпикура. Такъ *Vergilii*, по мнѣнію некоторыхъ изслѣдователей, былъ отчасти представителемъ религіозно-нравственной реакціи противъ разрушительной философіи эпикурейской школы. P. Vergilius Maro als Naturdichter und Theist, von Glaser, 1880, S. 4—6 и особенно 35—36.

¹⁾ Epist. I, 1, 14—15.

переходъ отъ однихъ философско-религіозныхъ воззрѣній къ другимъ, ни фактъ допускаемыхъ имъ противорѣчій въ сужденіяхъ о бogaхъ и ихъ отношеніи къ людямъ. Въ подобныхъ случаяхъ нужно первѣе всего имѣть въ виду, что Гораций писалъ свои стихотворенія не въ одно время ¹⁾.

Въ сатирахъ, составлявшихъ самыя раннія произведенія Горация и написанныхъ въ періодъ времени между 41 и 30 годами предъ Р. Хр. ²⁾, поэтъ является ревностнымъ и — по видимому — убѣжденнымъ приверженцемъ ученія Эпикура. Относительно, напримѣръ, происхожденія человѣка читаемъ въ одной изъ его сатиръ слѣдующее: „когда изъ нервой (т. е. еще новой, юной) ³⁾ земли выползли одушевленные существа (въ томъ числѣ прежде всего люди), скотъ безсловесный и безобразный, изъ-за жолудей и логвищъ стали они сражаться когтями и кулаками, потомъ палками, затѣмъ оружіемъ, которое впоследствии сковала нужда, пока нашли они слова, для обозначенія (естественныхъ) звуковъ и чувствованій, и наименованія; съ этихъ поръ начали отставать отъ войны, укрѣплять города и устанавливать законы, чтобы не было вора, ни разбойника, ни прелюбодѣя“ ⁴⁾. Такимъ образомъ въ эту, сравнительно раннюю пору своей жизни, въ періодъ увлеченія философіею Эпикура, Гораций держался рационалистическаго объясненія происхожденія человѣка, не допуская божескаго участія въ актѣ происхожденія людей. Въ духѣ той же философіи, какъ видимъ, объяснялъ онъ и постепенное совершенствованіе людей. Равнымъ образомъ, сообразно съ эпикурейскою философіею, онъ долженъ былъ не признавать и, кажется, дѣйствительно не призна-

¹⁾ Указываемая сторона дѣла иногда упускается изъ виду, напримѣръ у Rizzi.

²⁾ Q. Horati Flaccii Carmina, mit Anmerk. von L. Müller, 1882, Einleitung, S. XI.

³⁾ Для сокращенія подстрочныхъ примѣчаній, поясненія и пояснительныя добавки къ словамъ Горация приводятся въ скобкахъ въ самомъ текстѣ.

⁴⁾ Sat. I, 3, 99 sqq. Сравни. Lucr. Cari De rer. nat. V, 790 и слѣд., особенно 819—820: genus ipsa (terra) creavit humanum.

валъ въ это время и промышленности боговъ о людяхъ ¹⁾). При описаніи одной изъ жѣстостей, встрѣтившихся во время путешествія Горация изъ Рима въ Брундизій, поэтъ говоритъ: „Гнація, построенная при гнѣвѣ пимфѣ, дала (поводъ для) шутокъ и смѣха, желая убѣдить, что здѣсь, на священномъ порогѣ, безъ огня растопляется ладанъ. Пусть вѣрить въ это (суевѣрный) іудей Апелла, но не я: ибо я узналъ (отъ Эпикура), что боги беззаботно проводятъ (свой) вѣкъ, и если природа производитъ какоенибудь диво, то не боги гнѣвные ниспосылаютъ его съ высокой обители неба“ ²⁾). Здѣсь Горацийъ является эманицировавшимся отъ ученія римской религіи о значеніи разныхъ чудесныхъ явленій:

¹⁾ Правда, въ Sat. II, 6, 1 и слѣд., Горацийъ, сказавши, что предметомъ его желанія былъ клочекъ земли, не слишкомъ большой, съ садомъ, съ источникомъ не всажающей воды, вблизи отъ дома, и съ небольшимъ лѣскомъ,—продолжаетъ: «Боги устроили (вѣчто) большее и лучшее. Хорошо. Ничего больше не прошу, сызъ Майн, развѣ только того, чтобы эти дары ты утвердилъ за мною». Несколько ниже, въ ст. 20 и слѣд., читаемъ: «Отецъ утра, или Янусъ, если тебѣ угодное это наименованіе, (ты), съ призванія котораго люди начинаютъ первые труды работъ и жизни,—такъ богамъ угодно,—ты да будешь началомъ моей пѣсни». Наконецъ, въ Sat. II, 1, 142—43 находится слѣдующее обращеніе къ Юпитеру: «Отецъ и царь Юпитеръ». Но приведеннымъ выраженіямъ, въ виду другого рода выраженій Горация и его свидѣтельствъ о себѣ, между прочимъ въ Sat. I, 34, нельзя придавать особеннаго значенія. Въ объясненіе же ихъ можно привести слѣдующія соображенія. Прежде всего, строгая послѣдовательность и вѣрность себѣ есть свойство довольно рѣдкое у людей. Весьма характеристичный примѣръ представляетъ Лукрецій, проповѣдникъ эпикурейской философіи: свою дидактическую поэму, долговременную, по мысли автора, выносить людямъ, что боги не имѣютъ къ нимъ никакого отношенія, онъ однакоже начинаетъ съ обращенія къ одному изъ божествъ. Затѣмъ, указанныя выраженія Горация могли быть употреблены какъ въ качествѣ фигуральныхъ выраженій поэтической рѣчи или же въ томъ значеніи, въ какомъ у насъ, въ разговорномъ языкѣ, употребляется выраженіе: «Боже мой», «ахъ, Богъ мой». Подобныя выраженія употребляются нерѣдко совершенно механически, по привычкѣ, безъ всякой мысли о Богѣ, притомъ людьми, не признающими и самого Бога. Наконецъ, не слѣдуетъ упускать изъ виду, что сатира первая относится уже къ 724 (30) году, а сатира шестая—къ 723 (31) году. См. у Миллера, *Tabula chronologica Horatiana, ex Caroli Frankii Festis Horatianis*.

²⁾ Sat. I, 5, 97—103. Conf. Lucr. De rer. nat., VI, 58.

подобные приведенному взгляды онъ считалъ продуктомъ суевѣрія и полагалъ, что въ производимыхъ природою удивительныхъ явленіяхъ усматривать признаки величій божественныхъ могутъ лишь одни суевѣрные люди, не имѣющіе истиннаго (въ эпикурейскомъ смыслѣ) понятія о богахъ. Не безъ чувства гордости высказываетъ поэтъ, что онъ выше подобныхъ невеликихъ воззрѣній.—Тотъ же скептицизмъ проглядываетъ, по видимому, и въ одномъ довольно характеристичномъ замѣчаніи Горація по поводу дара провѣщанія, приписывавшагося древними нѣкоторымъ избранникамъ боговъ. Въ уста Тиресія, бесѣдующаго съ Улиссомъ, влагается Гораціемъ такая рѣчь: „О, сынъ Лаэрта! Что я ни скажу, или сбудется, или не сбудется. Ибо великій Аполлонъ даруетъ мнѣ (способность) предугадыванья“ ¹⁾. Употребленная Гораціемъ фраза двусмысленна. Въ устахъ и съ точки зрѣнія Тиресія она значитъ: „если я скажу, что что нибудь будетъ, то это и будетъ; чего — скажу я — не будетъ, того и на самомъ дѣлѣ не произойдетъ; ибо Аполлонъ далъ мнѣ предвидѣть какъ то, что произойдетъ, такъ и то, чего не произойдетъ“. Но у Горація, въ его смыслѣ, тѣ же самыя слова означаютъ слѣдующее: „провѣщанія мои, по обыкновенію, или будутъ имѣть результатъ и исполнятся, или нѣтъ; ибо Аполлонъ далъ мнѣ искусство провѣщанья, которое всегда проблематично и ненадежно“ ²⁾.

Отсутствіе у Горація, въ рассматриваемую пору, набожности, въ староримскомъ смыслѣ этого слова, сказалось между прочимъ въ выраженіяхъ, которыя врядъ ли сорвались бы съ устъ дѣйствительно благочестиваго римлянина ³⁾. „Я—говорить о себѣ у Горація Приапъ—былъ когда-то фиговымъ чурбаномъ, ни на что не пригоднымъ деревомъ, когда плотникъ, не рѣшавшійся (сначала),

¹⁾ Sat. II, 5, 59—60.

²⁾ Сравн. комментарія Орелли и Крюгера.

³⁾ Не относимъ сюда выраженія: Iuppiter ambas iratus buccas inflet (Sat. I, 1, 20—21), выраженія, не приличнаго божеству, съ точки зрѣнія возвышенныхъ понятій о божествѣ, но общаго классической древности.

едѣлать ли изъ меня скамью, или Пріапа, предпочелъ, чтобы я былъ богомъ. Съ того времени я—богъ, величайшее пугало для воровъ и птицъ“¹⁾ и т. д. въ томъ же родѣ. Положимъ, поэтъ шутитъ здѣсь прежде всего надъ изображеніемъ Пріапа; но шутки надъ изображеніемъ чего-либо легко переходятъ въ шутки надъ изображаемымъ. Особенно нужно сказать это о такихъ случаяхъ, какъ настоящій, когда довольно трудно съ увѣренностію сказать, гдѣ кончается шутка надъ изображеніемъ и начинается насмѣшка надъ изображаемымъ.

Горацій однако не былъ въ это время вполне послѣдовательнымъ, всегда себѣ вѣрнымъ эпикурейцемъ, какъ не былъ и позднѣе сторонникомъ какой нибудь одной философской школы. Кромѣ уже приведенныхъ мѣстъ въ Sat. II, 6, 1 слѣд. и II, 1, 42—43, можно указать нѣсколько цитатъ изъ эподъ, написанныхъ около того же времени, какъ и сатиры. Такъ въ 5 эподѣ, написанномъ—какъ можно думать—въ томъ же 717 (37) году, какъ и 5-я сатира первой книги, гдѣ—какъ сказано—поэтъ относится скептически къ народнымъ вѣрованіямъ въ чудесное²⁾,—Горацій, устами похищеннаго колдуньями мальчика, говоритъ о богахъ, которые съ неба правятъ землею и человѣческимъ родомъ, и о Зевсѣ, которому не угодны чары колдуній³⁾. Въ 9-мъ эподѣ, написанномъ—какъ думаютъ—на одинъ годъ позднѣе указанной 5-й сатиры второй книги, поэтъ говоритъ о предполагаемомъ имъ торжественномъ пиршествѣ въ честь побѣды Октавіана надъ Антоніемъ при Акціумѣ, которое будетъ „пріятво Юпитеру“⁴⁾.

Въ позднѣйшихъ своихъ лирическихъ произведеніяхъ Горацій, съ лѣтами⁵⁾ и подъ влияніемъ нѣкоторыхъ событій въ обществен-

¹⁾ Sat. I, 8, 1—4. Пріапъ, богъ полей, чтившійся, какъ виновникъ плодородія, въ особенности садовъ и древесныхъ питомниковъ, въ которыхъ его изображеніе ставилось также въ качествѣ пугала для птицъ.

²⁾ См. вышеупомянутую Tab. chron. Horat.

³⁾ Erod. 5, 1—8.

⁴⁾ Erod. 9, 3.

⁵⁾ По Franke, Fasti Horatiani, ни одна изъ одъ не написана раньше 35-го года жизни поэта,—возрастъ довольно зрѣлый.

ной и своей личной жизни значительно измѣнившійся, говорить о богахъ въ болѣе консервативномъ смыслѣ и кромя того гораздо чаще, чѣмъ въ юношескихъ произведеніяхъ. Горацій и теперь не является человѣкомъ, вполне усвоившимъ себѣ все традиціонныя взгляды отечественной религіи: сдѣлаться человѣкомъ вѣрующимъ въ духъ древнихъ римлянъ значило бы вычеркнуть все свое прошлое, все доселѣшнія вліянія, все плоды собственнаго размысленія по вопросамъ религіи; Горацій же не могъ, да вѣроятно и не желалъ дѣлать этого. При всемъ томъ въ одахъ Горація вѣтъ уже далеко не тотъ духъ, какъ въ сатирахъ, и самое имя отечественныхъ божествъ является у него на устахъ сравнительно часто. Шутливый и легкомысленный тонъ, особенно выступающій въ игривыхъ стихотвореніяхъ поэта, не покидаетъ его и въ нѣкоторыхъ одахъ, касающихся предметовъ религіозныхъ; и здѣсь Горацій оставляетъ своихъ читателей въ нѣкоторомъ недоумѣніи относительно своихъ — такъ сказать — догматическихъ представленій о божествѣ; онъ и здѣсь иногда шутитъ по поводу неустойчивости своихъ религіозныхъ взглядовъ. За всеѣмъ тѣмъ эти взгляды во многомъ сильно напоминаютъ традиціонныя взгляды римлянъ на боговъ и на ихъ отношеніе къ міру и человѣку.

Боги, по одамъ Горація, суть владыки земли ¹⁾. Отъ нихъ зависитъ климатъ и плодородіе почвы ²⁾. Они, благіе, даруютъ человѣчеству хорошихъ правителей ³⁾. Они охраняютъ лю-

¹⁾ Сагг. I, 1, 6.

²⁾ Описывая своему другу Септимію прелести Тарента, Горацій говоритъ, что тамъ «Юпитеръ даруетъ долгую весну и теплыя зимы, и Авлонъ (гора близъ Тарента), любимый Бахкомъ, подателемъ плодородія, весьма мало завидуетъ садернскимъ гроздіямъ», вслѣдствіе благорасположенія къ нему бога вина. Сагг. II, 6, 17—20. Сравни. II, 10, 15—17. По поводу приведеннаго мѣста не лишне замѣтить, что авторъ настоящей статьи, въ случаяхъ неодинаковаго чтенія изсѣдователями какого нибудь мѣста, слѣдовалъ обыкновенно болѣе распространенному чтенію.

³⁾ Сагг. IV, 2, 37—39. Четвертая книга одъ, не смотря на ея нѣсколько позднѣйшее происхожденіе, разсматривается совместно съ первыми тремя книгами, такъ какъ религіозныя взгляды поэта со времени написанія первыхъ книгъ повиданому не измѣнились.

дей ¹⁾), въ частности поэтовъ. „Боги меня берегутъ“ ²⁾), говорить Гораций; „имъ угодна моя набожность и муза“ ³⁾). „Быстрый Фавнъ часто жьняетъ Ликей“ (гору въ Аркадіи, гдѣ Панъ-Фавнъ обыкновенно обиталъ) „на пріятный Лукретиль“ (гору въ Сабинской землѣ, около имѣнія поэта) „и постоянно защищаетъ козь моихъ отъ лѣтней жары и вѣтровъ съ дождемъ“ ⁴⁾). „Меня“, говоритъ Гораций, вспоминая битву при Филиппахъ, откуда онъ вынужденъ былъ бѣжать, — „меня, испуганнаго, быстрый Меркурій поднялъ въ густомъ облакѣ“ и такимъ образомъ спасъ отъ враговъ ⁵⁾. „Меня“, говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, вспоминая вышеприведенный случай избавленія отъ опасности и нѣкоторые другіе подобныя случаи, „меня, расположеннаго къ вамимъ, Музы, источникамъ и хорамъ (и потому покровительствуемаго вами), ни неудачное сраженіе при Филиппахъ, ни проклятое дерево ⁶⁾), ни (мысль) Палинуръ ⁷⁾ не лишили жизни“ ⁸⁾). „Меня“, замѣчаетъ поэтъ еще въ другомъ мѣстѣ, упоминая о томъ же случаѣ съ деревомъ, который, должно быть, сильно поразилъ его, „стволь дре-

¹⁾ Сравни. Сагм. III, 22, 1 слѣд., также III, 29, 62—64, гдѣ, по толкованію Миллера, Гораций проводитъ мысль, что въ награду за его пренебреженіе къ богатству боги избавятъ его отъ гибели.

²⁾ Мысль, какъ замѣчаетъ одинъ изъ толкователей, часто возвращающаяся у Горация.

³⁾ Сагм. I, 17, 13—14. Правда, эта мысль высказана Горациемъ въ одѣ, обращенной къ износѣ Тиндаридѣ, своей пріятельницѣ, которую онъ приглашалъ въ свое сабинское имѣніе и которую всѣчески старался убѣдить въ удобствахъ жизни тамъ. Но свойство лица, которому посвящена ода, и цѣль, съ которою она была написана, не отнимаютъ у приведеннаго мѣста того значенія, которое выше придано ему. Указанныя обстоятельства служатъ даже косвеннымъ доказательствомъ того, какъ укоренилась въ сознаніи поэта мысль о попеченіи боговъ относительно людей, если даже въ игривыхъ стихотвореніяхъ онъ не забываетъ о богахъ.

⁴⁾ Сагм. I, 17, 1—4.

⁵⁾ Сагм. II, 7, 13—14.

⁶⁾ Разувьется дерево, которое, упавъ, едва не убило Горация, какъ объ этомъ говорится во II, 13, 1 слѣд.

⁷⁾ Здѣсь Гораций повидимому потерпѣлъ кораблекрушеніе.

⁸⁾ Сагм. III, 4, 25—28.

весный, упавшій на голову, убилъ бы, если бы Фавнъ, хравитель Меркуріевыхъ мужей ¹⁾, не отклонилъ удара своею десницею ²⁾. „По вашей мольбѣ“, говоритъ поэтъ, обращаясь къ римскимъ юношамъ и дѣвушкамъ съ приглашеніемъ воспѣвать хвалебныя гимны Аполлону и Діанѣ и ихъ матери Латонѣ, „обратитъ Аполлонъ плачевную войну, печальный голодъ и чуму съ народа (римскаго) и владыки Цезаря на царянъ и британцевъ“ ³⁾.

Отъ силы божественной зависитъ слава поэтовъ, самое ихъ вдохновеніе и творчество. „Фебъ“, говоритъ Гораций, „даровалъ мнѣ (поэтическое) вдохновеніе, Фебъ даровалъ мнѣ искусство стихотворства и имя поэта“ ⁴⁾. На комъ при рожденіи разъ (ибо этого достаточно для божественной силы) съ благоволеніемъ остановить свой взоръ Мельпомена, тотъ посвященъ въ поэты. Самъ Гораций, какъ поэтъ, ей же обязанъ всѣмъ. Ей обязанъ онъ тѣмъ, что современники еще при жизни его видятъ въ немъ римскаго лирика. „Что я“ — говоритъ онъ — „обладаю поэтическимъ вдохновеніемъ и нравлюсь, если нравлюсь, есть твой (даръ, Мельпомена)“ ⁵⁾. Еще въ младенчествѣ Горация обнаружилось покровительство, которое оказывали ему боги, и его назначеніе для служенія

¹⁾ Догадка относительно такого наименованія поэтовъ излагается въ упомянутыхъ комментаріяхъ.

²⁾ Сагг. II, 17, 27—29. Въ III, 8, 7—8 Гораций приписываетъ свое спасеніе не Музамъ и Фавну, но Бакху. Фактъ разворочивыхъ показаній относительно божества, избавившаго поэта отъ грозившей опасности, нѣсколько объясняется тѣмъ, что всѣ названныя божества покровительствовали поэтамъ.

³⁾ Сагг. I, 21, 13—16.

⁴⁾ Сагг. IV, 6, 29—30. Сравни. II, 19, 1 слѣд., гдѣ Гораций рассказываетъ, какъ онъ видѣлъ Бакха, и даетъ понять, какъ подъ влияніемъ этого видѣнія онъ сложилъ гимнъ названному богу. Сравни. I, 31, 20, гдѣ Гораций между прочимъ молить Аполлона даровать ему старость, не лишенную поэтическаго творчества.

⁵⁾ Сагг. IV, 3, 21—24 (сравни. III, 30, 14—15). Самое лучшее въ этомъ прекрасномъ стихотвореніи, по мнѣнію Гебгарди (*Aestetischer Kommentar zu d. Iug. Dichtungen des Horaz, 1835, S. 299*), есть хвала божеству, которое сдѣлало его своимъ смиреннымъ орудіемъ. Только благодаря божеству живетъ онъ и правится; его заслуги суть заслуги музы, давшей его устами даръ поэтической рѣчи.

Музамъ. „На (горѣ) Волтурѣ меня, мальчика, утомленнаго игрою и заснувнаго, баснословные голуби прикрыли молодой листвою. Для всѣхъ обитателей скалистаго гнѣзда Ахеронтін, лѣсныхъ возвышенностей Бантійскихъ и тучныхъ полей низменнаго Форента было чудомъ, что я спалъ безопаcный отъ черныхъ змѣй и медвѣдей, что я покрытъ былъ священнымъ лавромъ и миртовыми вѣтвями (знаками будущей славы, какъ поэта), ребенокъ смѣлый не безъ содѣйствія боговъ“ ¹⁾.

Выше всѣхъ боговъ стоитъ Юпитеръ. Онъ есть верховный богъ, глава боговъ и вмѣстѣ господинъ людей, правитель міра. „Что“, восклицаетъ Горацій въ началѣ одного изъ своихъ гимновъ, „выражу я прежде, какъ не обычную хвалу Родителю ²⁾, который устрояетъ дѣла людей и боговъ, море и земли и (весь) міръ въ смѣнѣ времёнъ, — отъ котораго ничто не происходитъ большее, чѣмъ онъ самъ, — подобнаго которому (по свойствамъ) и втораго (по достоинству) не живетъ“ ³⁾. „Мы знаемъ, какъ страшную толпу печестивыхъ титановъ павшею молніею поразилъ тотъ, кто землю неподвижною, кто моремъ бурнымъ управляетъ, и одинъ справедливо правитъ печальнымъ царствомъ тѣней, и богами, и соннами смертныхъ“ ⁴⁾. Онъ есть царь царей. „У царей страшныхъ есть власть надъ подчиненными имъ народными стадами; Юпитеру же, славному побѣдою надъ гигантами, все приводящему въ движеніе мановеніемъ бровей, принадлежитъ власть надъ сажими царями“ ⁵⁾. Но Юпитеръ, повелѣвая царями, вмѣстѣ и покровительствуетъ имъ, равно какъ всему человѣческому роду. „Отецъ и блюститель рода людскаго, сынъ Сатурна“ — вызываетъ Горацій къ Юпитеру. „Тебѣ судьбою вручена забота о великомъ Цезарѣ. Царствуй, имѣя Цезаря вторымъ послѣ себя. Поведеть ли онъ

¹⁾ Сarm. III, 4, 9—20.

²⁾ Сравн. Ab Iove principium Musae въ Virg. Bucol. III, 60 и т. п. Горацій, по древнему обычаю, хвалю верховному богу начинается и Сarm. III, 1, 5—8.

³⁾ Сarm. I, 12, 13—18.

⁴⁾ Сarm. III, 4, 42—48.

⁵⁾ Сarm. III, 1, 5—8.

(предъ собою) въ справедливомъ триумфѣ укрощенныхъ царей, (доселѣ еще) имѣющихъ виды на Лациумъ, или серовъ и иудовъ, обитающихъ на окраинахъ востока,—меньшій тебя, пусть справедливо править онъ обширной землей; ты же Олимпъ сотрясай тяжелой колесницей, ты ниспосылай губительныя молніи на рощи нечистыя“ ¹⁾), т. е., предоставивъ Августу власть на землѣ, самъ являя здѣсь свое могущество лишь тогда, когда надлежитъ выразить гнѣвъ божественный, по случаю оскверненія людьми нечестивыми мѣстъ богопочтенія. Юпитеръ покровительствуетъ и царственнымъ родственникамъ Августа. Въ одѣ, написанной Гораціемъ, согласно желанію Августа, послѣ побѣды его пасынка Друза Клавдія Нерона надъ винделиками и ретами и содержащей въ себѣ прославленіе заслугъ молодого Друза и вообще рода Клавдіевъ предъ Римомъ, — читаемъ: „нѣтъ ничего, чего бы не совершали руки Клавдіевъ, которыхъ и Юпитеръ защищаетъ своимъ благоволеніемъ, и (ихъ собственная) забота съ провицательностью счастливо проводить черезъ опасности войны“ ²⁾).

Юпитеръ оказываетъ далѣе благотворное вліяніе на духъ чловѣка, вызывая религіозное чувство въ людяхъ равнодушныхъ къ богамъ. Такая перемена произошла съ самимъ Гораціемъ. „Скупой (на жертвы) и рѣдкій читатель боговъ во время своихъ блужданій подъ вліяніемъ безумной мудрости (эпикурейской философіи), теперь я“, говоритъ поэтъ—„вынуждаюсь поворотить паруса назадъ и опять пройти уже пройденный путь“ ³⁾); ибо Діеспитеръ, который сверкающимъ огнемъ (молніей) обыкновенно разсѣкаетъ облака, (теперь) по ясному небу промчалъ (своихъ) громовыхъ коней и колесницу летучую, отъ которой земля неподвижная и рѣки те-

¹⁾ Сарт. I, 12, 49—60.

²⁾ Сарт. IV, 4, 73—76.

³⁾ Образъ заимствованъ отъ мореплаванія. Горацій пустился было въ открытое море безбожій; теперь долженъ онъ вновь пройти оставленный за собою путь, чтобы прибыть въ безопасную гавань богобоязненности, воротиться къ въръ дѣтскихъ лѣтъ, вновь увѣровать, что сердцу боговъ близка судьба людей.

кущія, отъ которой Стиксъ и страшныя жилища непавистаго Тенара и Атлантъ, граница (міра), содрогаются ¹⁾). Силенъ богъ низкое превратить въ высокое, и славнаго (человѣка) уничижаетъ онъ, возвышая темное; фортуна отсюда, похитивъ, съ рѣзкимъ шумомъ унесла (царскую) корону, здѣсь, радуясь, возложила ее ²⁾).

Оказывая благоволенія и благодѣлія людямъ ³⁾), Юпитеръ также и караетъ ихъ за злыя дѣла, караетъ такъ, что люди приходятъ въ ужасъ, не зная, что имъ дѣлать, чѣмъ отвратить страшный гнѣвъ божества, разразившійся надъ ихъ виновными головами и выразившійся въ различныхъ знаменіяхъ. Одно изъ подобныхъ состояній общества Гораций описываетъ въ слѣдующихъ чертахъ. „Довольно уже снѣга и страшнаго града ниспослалъ отецъ ⁴⁾ и, красной десницею метая молніи въ священныя высоты, навелъ на городъ страхъ, навелъ на народы страхъ (того), чтобы не возвратился тяжелый вѣкъ Пирры... Мы видѣли, какъ желтый Тибръ, насильно поворотивъ волны отъ берега Этрускаго моря, шель ниспровергнуть памятникъ царя (Нумы) и храмъ Весты... Молодежь, немногочисленная но винѣ родителей, (нѣкогда) услышитъ, какъ граждане (для усобицы) точили оружіе, отъ котораго было бы лучше погибнуть персамъ, — услышитъ о войнахъ (междоусобныхъ). Какое божество долженъ народъ призывать для (помощи) падающей державѣ? Какою мольбою смягчить священнымъ дѣвамъ Весту, менѣе слушающую (ихъ) молитвы? Кому предоставить Юпитеръ быть очистителемъ преступленія“ (убіенія Цезаря и возникшихъ отсюда усобицъ)? ⁵⁾).

Однако какъ ни высоко стоитъ Юпитеръ надъ людьми, онъ

¹⁾ Но божественное могущество проявляется не только въ небесныхъ знаменіяхъ, отъ которыхъ содрогается вся земля и преисподняя съ жилищами мертвыхъ, но и въ великихъ перемятахъ, которыя наблюдаются въ дѣлахъ человеческихъ, о чемъ поэтъ говоритъ вслѣдъ за симъ.

²⁾ Сагн. I, 34, 1—16.

³⁾ Сравни. Сагн. I, 28, 28.

⁴⁾ Сравни. Virg. Aen. I, 65.

⁵⁾ Сагн. I, 2, 1—6, 13—16, 21—30.

не возвышается надъ ними бесконечно. Онъ не чуждъ волненій, которыя испытываютъ люди. Упомянувъ, что Юпитеръ всѣми и всѣмъ управляетъ ¹⁾, Горацій вслѣдъ за симъ говоритъ: „великій страхъ внушили Юпитеру самоувѣренная молодежь, страшная своими руками ²⁾, и братья (Алоиды), стремившіеся наложить Пелій на тѣнистый Олимпъ“ ³⁾. Къ Юпитеру до нѣкоторой степени приравниваются, при извѣстныхъ условіяхъ, и простые смертные. „(Доселѣ) мы вѣрили, что, гремя съ неба, править (землею) Юпитеръ; (но впоследствии) будетъ считаться богомъ на землѣ Августъ, послѣ того какъ онъ подчинитъ римской имперіи британцевъ и персовъ“ ⁴⁾. „Отецъ и стражъ рода людскаго“, взымаетъ Горацій къ Юпитеру въ приведенномъ выше мѣстѣ, „сынъ Сатурна, тебѣ судьбою вручена забота о великомъ Цезарѣ. Царствуй, имѣя вторымъ (послѣ себя) Цезаря“ (Августа) и т. д. Впрочемъ относительно Августа Горацій иногда склонялся къ предположенію, что этотъ молодой правитель государства, оказавшій Риму важныя услуги и имѣвшій оказать еще большія, есть не кто иной, какъ Меркурій, который принялъ на себя видъ юноши. Его молилъ поэтъ не слѣзнуть возвращеніемъ на небо, долше оставаться среди народа Квирина, здѣсь искать триумфовъ, быть отцомъ и главою для народа и отмстить царянамъ ⁵⁾. Такимъ образомъ поэтъ является здѣсь однимъ изъ сторонниковъ апофеозы Августа, мысль о которой въ ту пору вошла почти въ общее сознаніе ⁶⁾.

¹⁾ Сагг. III, 4, 42—48.

²⁾ Разумѣются вѣнатовскыя, сторукие исполины.

³⁾ Сагг. III, 4, 49—52.

⁴⁾ Сагг. III, 5, 1—4.

⁵⁾ Сагг. I, 2, 41—52. Сравни Сагг. IV, 5, 1, сл., гдѣ повидимому Августу усволяется происхожденіе высшее обыкновенныхъ смертныхъ. Впрочемъ стихъ 1-й нѣкоторыми толкователями понимается и не въ такомъ смыслѣ.

⁶⁾ Свѣденія объ апофеозѣ у римлянъ сообщаютъ: Буассье въ соч. «Римская религія отъ Августа до Антониновъ», перев. Корсака, 1878, стр. 89 сл., также Бердниковъ въ соч. «Госуд. положеніе религіи въ римской имперіи», стр. 39 слѣд. и Л. Миллеръ въ біографіи Горація, стр. 37 сл.

Видѣтъ съ Юпитеромъ и всѣ вообще боги не возвышаются безконечно надъ людьми, — послѣдніе сами могутъ возвыситься до боговъ. Такъ, побѣда на играхъ „возводитъ побѣдителя до боговъ, властителей земли“ ¹⁾. Да и какъ возможно безусловное превосходство боговъ предъ людьми, когда существованіе самихъ боговъ, — если не абсолютное, то въ памяти людей, — зависитъ отъ людей. Не кто иной и не что иное, какъ пѣснь поэта, поэзія, „Муза защищаетъ достохвальнаго мужа отъ смерти, — Муза даруетъ небо. Такъ, благодаря ей, неутомимый Геркулесъ участвуетъ въ желанномъ пиршествѣ Юпитера; Касторъ и Поллуксъ, блестящее созвѣдіе, вырываютъ изъ пучинъ морскихъ разбитое судно; Либеръ, увѣнчанный виноградной листвою, приводитъ желанія къ доброму концу“ ²⁾. Впрочемъ названные герои, по взгляду Горація, высказанному нѣсколько раньше, достигли вѣчной славы и получили мѣсто въ сонмѣ боговъ по другой причинѣ: они вошли на звѣздное небо, благодаря своей правотѣ и мужеству ³⁾.

Религіознаго элемента не лишены и письма Горація, послѣднія его произведенія. Здѣсь мысль поэта сравнительно не такъ часто возвращается къ богамъ, какъ въ одахъ, вслѣдствіе того, быть можетъ, что поводы, по которымъ были писаны письма, и самое ихъ содержаніе мало располагали поэта касаться предметовъ религіозныхъ; но и здѣсь онъ не разъ при случаѣ говоритъ о богахъ и религіозныхъ вопросахъ. Выражаемыя имъ въ посланіяхъ мысли суть, въ общемъ, тѣ же, что и въ лирическихъ его произведеніяхъ. Такъ, признавая, что боги распоряжаются счастьемъ людей, Горацій приглашаетъ своего адресата Буллація съ благодарностью принимать ту долю, то счастье, которое даровано ему божествомъ ⁴⁾. Поэтъ говоритъ, въ частности, объ Юпитерѣ, какъ подателѣ ве-

¹⁾ Сарт. I, 1, 6.

²⁾ Сарт. IV, 8, 28—34. Возлежаніе за пиршествомъ съ Юпитеромъ, избавленіе кого-либо изъ великой опасности и исполненіе чьихъ либо желаній и обѣтовъ есть, по выраженію одного изъ толкователей, *indicium divinitatis*.

³⁾ Сарт. III, 3, 1 сл.

⁴⁾ Epist. I, 11, 22—23.

щественныхъ благъ ¹⁾). Онъ иронизируетъ надъ внѣшней набожностью людей, которые притворяются благочестивыми, ради добраго о нихъ мнѣнія согражданъ ²⁾). Онъ приравниваетъ Августа къ божествамъ ³⁾); говорить о геніѣ, спутникѣ каждого чело­вѣка въ теченіи его жизни, участникѣ его радостей и печалей, оказывающемъ благодѣтельное для чело­вѣка вліяніе на созвѣдіе, подъ которымъ чело­вѣкъ родился ⁴⁾), и умирающемъ съ тѣмъ чело­вѣкомъ, съ которымъ родился ⁵⁾); смѣется надъ вѣрованіями въ чародѣйство, ночныхъ легуровъ и т. п., которыя—на его взглядъ—суть суевѣрія, и предостерегаетъ отъ такихъ суевѣрій ⁶⁾).

Въ соотвѣтствіи съ такими воззрѣніями на божество находились Гораціевы взгляды на внѣшній культъ боговъ, выразившійся у древнихъ въ мольбахъ, обращае­мыхъ къ богамъ, въ жертвахъ, приносимыхъ имъ, въ обѣтахъ и проч. „Ты, римлянинъ“, обра­щается Горацій къ народу римскому, „будешь (хотя и) безвинно терпѣть за грѣхи отцовъ, пока не возстановишь храмы и разрушающіяся жилища боговъ и (не очистишь) изображенія ихъ, по­черкнвшія отъ дыма. (Лишь) смиряясь предъ богами, ты вла­дѣчествуешь. Отъ нихъ—всякое начало, къ нимъ своди и исходъ. Боги за пренебреженіе къ нимъ много зла причинили Гесперіи, исполнявшейся (вслѣдствіе сего) печали“. Отъ утраты римлянами старинной богобоязненности зависятъ и неудачи ихъ во внѣшнихъ дѣлахъ съ другими народами, и разложеніе семейныхъ нравовъ. Посему римляне должны смириться, памятуя, что безъ боговъ они ничего не могутъ совершить ⁷⁾). Свое почтеніе къ богамъ нужно выражать и внѣшнимъ образомъ. Это дѣлалъ и самъ поэтъ, по его

¹⁾ Epist. I, 12, 2—3.

²⁾ Epist. I, 16, 57—62.

³⁾ Epist. II, 1, 5—19; сравн. I, 19, 43—44.

⁴⁾ Сравн. Carm. II, 47, 17 слѣд.

⁵⁾ Epist. II, 2, 187—189; сравн. I, 7, 94—95 и объясненіе въ Röm. Myth. von Preller, 3 Aufl., II, '98.

⁶⁾ Epist. II, 2, 203—209. Срав. Sat. I, 8, 17 слѣд.

⁷⁾ Carm. III, 6, 1—8 и слѣд.

словамъ. „Ты, обращается онъ къ Меценату, дивисься, что дѣлаю я, холостякъ, въ мартовскія календы (праздникъ Матроналій), что означаютъ цвѣты, и ладаница, полная ениіама, и уголь, положенный на свѣжешъ дернѣ (изъ котораго сдѣлалъ импровизированный алтарь. Узнай же). Я, едва не убитый ударомъ (павшаго) дерева, обѣщала сладкое пиршество и бѣлаго козла Либеру“ (за свое спасеніе) ¹). „И ладаномъ, и игрой на струнахъ, и должною (по обѣту) кровью тельца хочу я чествовать боговъ, хранителей (Шлоція) Нуиды“, — говоритъ поэтъ, обрадованный благополучнымъ возвращеніемъ своего друга изъ войны повидимому противъ кантабровъ въ Испаніи ²). О богахъ слѣдуетъ помнить и ихъ должно чествовать также при счастливыхъ событіяхъ въ жизни государственной, среди радостнаго празднованія этихъ событій. „Теперь, друзья“, восклицаетъ поэтъ по полученіи въ Римѣ извѣстія о смерти Клеопатры ³), „слѣдуетъ пить, теперь свободной ногой должно ударять о землю ⁴), теперь наступило время салійскими яствами украсить подушки божествъ“ ⁵). Жертвы, приносимыя богамъ, вызываютъ ихъ на благодаренія людямъ. „Если ты, деревенская Фидила, въ новолуніе поднимешь къ небу руки, съ

¹) *Sarm.* III, 8, 1—8. Сравни. II, 17, 30—32, гдѣ Гораций, какъ скромный житель деревни, за свое заблужденіе отъ смерти намѣревается принести въ жертву агнелла и гдѣ онъ приглашаетъ Мецената, избраннаго Юпитеромъ отъ смерти, построить обѣщанный храмъ и принести въ жертву большее жертвенное животное соотвѣтственно выдающемуся положенію Мецената въ государствѣ и его матеріальнымъ средствамъ. Сравни. также *Sarm.* II, 15, 17—20, гдѣ Гораций, противопоставляя роскошь и затѣйливыя постройки частныхъ лицъ въ современномъ Римѣ простотѣ жизни предковъ, вѣщаетъ съ тѣмъ указываетъ, что дравніе не жалѣли денегъ лишь на общепользныя постройки, напримѣръ храмы боговъ, и къ такому ихъ образу дѣйствій относится съ виднымъ одобреніемъ.

²) *Sarm.* I, 36, 1—3.

³) *Sarm.* I, 37, 1—4.

⁴) Выраженіе *pulsare terram* употребляется о ваянѣ.

⁵) О пиршествахъ саліевъ и другихъ жреческихъ коллегій сравни. *Sarm.* II, 14, 28 и *Handbuch d. Röm. Alterth., von Marquardt und Mommsen*, B. VI, 1885, S. 231, Anm. 7. О чествованіи боговъ и героевъ при пиршествахъ сравни. *Sarm.* IV, 15, 25 слѣд. и IV, 5, 31—33 и слѣд.

открытыми вверхъ дланями; если ты станешь умиловатьъ даровъ оиііаіомъ и свѣжихъ плодовъ и жадной свиньей, то ни плодородная виноградная лоза не почувствуетъ вреднаго африканскаго вѣтра, ни жатва—опустошительной ржавчины, ни вѣжнй молодой скотъ — тяжести времени въ плодоносную часть года (т. е. осенью). Ибо то обреченное на смерть животное, которое пасется на сѣжномъ Алгидѣ и среди дубовъ или растетъ въ Албанскихъ травахъ, въ качествѣ большой жертвы, окрасить кровью своей шен сѣкиры понтифесовъ; (но) искать благоволенія боговъ убіеніемъ многихъ жертвенныхъ животныхъ не нужно тебѣ, увѣнчивающей малыя изображенія боговъ розмариномъ и хрупкимъ миртомъ. Если рука (и) безъ (большихъ) даровъ коснулась жертвенника, то дорогая жертва не болѣе смягчила отвратившихся пенаатовъ, чѣмъ священная мука и прыгающая (въ огнѣ) круинка соли“¹⁾.

Отсюда видно, что, на взглядъ Горация, богатя и скромныя жертвы сами по себѣ безразличны для боговъ, что въ ихъ очахъ имѣетъ цѣну собственно желаніе и готовность человека принести жертву; самыя же жертвы, естественно, могутъ быть сообразны съ средствами приносящаго²⁾. Вообще Гораций — врагъ одной внѣшней набожности, если подъ нею не скрывается дѣйствительнаго благочестія. „Мужъ добродѣтельный, на котораго (съ почтеніемъ и удивленіемъ) взираетъ весь форуиъ и весь трибуналъ“, пронизируетъ Гораций въ одномъ изъ своихъ писемъ, „когда онъ умиловываетъ боговъ поросенкомъ или быкомъ, громко сказавши: „отецъ Янусъ“, громко сказавши: „Аполлошъ“, (затѣмъ) шепчетъ, опасаясь быть услышаннымъ: „прекрасная Лаверна“³⁾, дай

¹⁾ Сагн. III, 23, 1—20. Текстъ послѣднихъ четырехъ стиховъ понимается и иначе. Орелли напрямъръ находитъ здѣсь слѣдующую мысль: *Immunis (=sceleris pura, innocens, insons) manus mollivit aversos Penates farte pio et mica salis, non blandior futura, oblata sumptuosa hostia.* Справ. Cic. de leg. I, 8, 9. 25.

²⁾ Справ. впрочемъ предъидущее примѣчаніе.

³⁾ Покровительница лжи и обмана, богиня воровъ.

нѣ остаться незамѣченнымъ, дай справедливымъ и святымъ казаться, распрости покровъ ночи на (мои) прегрѣшенія и туманъ — на (мои) обманъ“¹⁾.

Таковы черты римскихъ божествъ по Горацию и таковы главнѣйшіе взгляды вѣнузійскаго поэта на небожителей, ихъ отношеніе къ людямъ, ихъ чествованіе людьми. Попробуемъ теперь, на основаніи изложенныхъ деталей, сдѣлать общій выводъ относительно религіозныхъ воззрѣній этого поэта.

Однако, если сводить указанные черты къ единству и обобщать приведенные взгляды, то это можетъ оказаться подчасъ нѣсколько затруднительнымъ, вслѣдствіе допускаемыхъ Горациемъ противорѣчій себѣ. Какъ видно уже изъ процитованныхъ мѣстъ, Гораций является человѣкомъ съ несовѣтъ отчетливыми и устойчивыми взглядами на божество даже и въ своемъ зрѣломъ возрастѣ²⁾. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ иногда придаетъ божествамъ такія черты и свою рѣчь о нихъ ведетъ въ такомъ тонѣ, что подчасъ возникаетъ даже вопросъ о томъ, серьезно ли говоритъ поэтъ, былъ ли онъ на самомъ дѣлѣ, а не на словахъ только, человѣкомъ религіознымъ, не имѣютъ ли значенія простыхъ привычныхъ фразъ его воззванія къ богамъ, указанія на ихъ власть и проч., не былъ ли вообще Гораций человѣкомъ легкомысленнымъ въ вопросахъ религіозныхъ? Шей хорошее вино, заботься объ удобствахъ ближайшей минуты и не пренебрегай любовью, говоритъ Гораций — лирикъ представителю современной молодежи, „остальное же предоставь богамъ“ и „что будетъ завтра, избѣгай разслѣдовать“³⁾. Правило, конечно, понятное въ устахъ еще довольно молодого поэта⁴⁾, но, по види-

¹⁾ Epist. I, 16, 57—62.

²⁾ Этотъ фактъ можетъ отчасти объясняться и тѣмъ, что римская религія не установила никакихъ догматовъ. Срав. Буассье, 29.

³⁾ Satm. I, 9, 1—15.

⁴⁾ Объяснительная ода, по Кислявигу, написана вѣроятно въ позднѣе 725 года—36 года жизни Горация.

тому, не предполагающее въ немъ серьезнаго религіозно-нравственнаго чувства. Тѣмъ труднѣе, казалось бы, допустить такое чувство въ поэтѣ, который въ одной изъ своихъ одъ находитъ возможнымъ распространяться объ исторіи Юпитера съ Данаей ¹⁾, который такъ охотно повѣствуетъ о продѣлкахъ вороватаго Меркурія ²⁾ и т. под.

Но, если отрѣшиться отъ того понятія о религіозности, которое внушено христіанствомъ, и судить о Гораціѣ съ точки зрѣнія его времени, нельзя будетъ не придти къ заключенію, что поэтъ по своему былъ религіознымъ человѣкомъ, особенно въ болѣе зрѣлыя годы жизни. Даже и въ ту пору, когда Горацій писалъ свои сатиры, онъ не былъ атеистомъ ³⁾, хотя раздѣлявшіяся имъ тогда эпикурейскія воззрѣнія на вопросы религіи практически мало разнились отъ воззрѣній чисто атеистическихъ. Но въ болѣе позднихъ и лучшихъ своихъ произведеніяхъ онъ является человѣкомъ, который вообще раздѣляетъ традиціонные взгляды римской религіи. Боги, о которыхъ онъ говоритъ въ одахъ, суть римскіе боги со всѣми тѣми свойствами, которыя были приданы имъ въ теченіе вѣковъ и были утверждены за ними народною вѣрой. „Отечественные боги“ имѣютъ въ его глазахъ такое значеніе, что служатъ какъ бы представителями самой родины ⁴⁾. Его боги не запечатлѣны тѣмъ характеромъ безконечнаго величія и совершенства, какой долженъ быть присущъ Божеству на взглядъ христіанскій; но все же они суть дѣйствительные боги съ точки зрѣнія языческой. И лирикъ—Горацій вообще раздѣляетъ вѣру въ нихъ своего народа, если только легкомысліе, характеризующее отчасти лирическую поэзію Горація, не смотря на преобладаніе въ немъ трезваго мышленія, а также случайное настроеніе минуты, которому онъ, какъ поэтъ, по временамъ по крайней мѣрѣ отдавался всецѣло, не приводило его къ мнѣніямъ о богахъ нѣсколько иного рода. Отсюда объясняется,

¹⁾ Сарм. III, 16, 1—8.

²⁾ Сарм. I, 10, 1 sqq.

³⁾ Срав. напр. Sat. I, 5, 101.

⁴⁾ Сравн. Сарм. II, 7, 4.

напримѣръ, высказываемое имъ неоднократно мнѣніе о господствѣ случая въ жизни людей ¹⁾, между тѣмъ какъ по господствующему взгляду, выражаемому имъ—какъ видно и изъ приведенныхъ выше примѣровъ—весьма часто, жизнь людей течетъ не безъ божественнаго промысленія.

Къ вѣрѣ въ промышленіе боговъ о людяхъ могли привести Горація нѣкоторые, указанные выше, случаи въ его жизни, свидѣтельствовавшіе—на его взглядъ—о благоволеніи къ нему боговъ. Вообще же къ вѣрѣ въ боговъ особенно расположила его фактъ громового удара при яснохъ небѣ, поразившій Горація, давшій ему отбѣтъ на дерзновенный вопросъ Лукреція ²⁾, выведшій его изъ прежняго равнодушія къ богамъ и чествованію ихъ, пробудившій въ немъ сознаніе высшей божественной силы, которая царитъ въ мірѣ и надъ людьми, словомъ—до нѣкоторой степени обратившій его къ вѣрѣ отцовъ ³⁾, на сколько такая вѣра была возможна въ

¹⁾ Срава. *Serm.* III, 29.

²⁾ *T. Lucretii Cari. De rer. nat.* VI, 400: *cur nunquam caelo iacit undique puro Iuppiter in terras fulmen sonitusque profundit?*

³⁾ Итъ основаній обличать обращеніе Горація съ обращеніемъ Савла и искать сходства въ причинахъ того и другого факта, какъ это дѣлали нѣкоторые (см. у Rizzi, 16). Но итъ также основаній подвергать рѣшительному сомнѣнію собственное заявленіе Горація въ *Serm.* I, 34 и считать невозможнымъ обращеніе этого «философа и свѣтскаго человѣка» подъ влияемъ неожиданнаго удара грома. Это необыкновенное явленіе могло произвести и обыкновенное впечатлѣніе на римлянина, вообще придававшего, какъ известно, громадное значеніе наблюденіямъ за небесными знаменіями. Съ другой стороны вышеизложенныя сужденія Горація о разныхъ предметахъ вѣры въ общемъ не поддерживаютъ такого смысла, напротивъ — служатъ болѣе или менѣе подтвержденіемъ заявленія Горація въ *Serm.* I, 34, понимаемаго въ томъ смыслѣ, въ какомъ могъ сдѣлать его человѣкъ того времени, притомъ поэтъ. Горацій могъ въ известныя минуты и противорѣчать себѣ, не давая однако чрезъ то права отрицать серьезность своихъ основныхъ убѣжденій: вѣдь и каждый изъ насъ по временамъ, подъ влияніемъ разныхъ обстоятельствъ, можетъ высказывать взгляды, идущіе совершенно въ разрѣзъ съ его дѣйствительными убѣжденіями и правилами, и мы не заключаемъ отсюда объ отсутствіи такихъ убѣжденій. Что же касается древнихъ, то противорѣчія встрѣчаются не у одного Горація (сравн. напримѣръ Буассе, 154—155, о противорѣчіяхъ у Тита Ливія). Совершенно мимо пѣли бьетъ замѣчаніе одного

тотъ мало религіозный вѣкъ, особенно у поэта, который такъ много и часто говорилъ о винѣ и любви, который такъ высоко цѣнилъ удобства жизни ¹⁾).

Такимъ образомъ боги народной религіи не были для Горация однѣми лишь поэтическими фигурами и образами ²⁾, и Гораций не былъ атеистомъ, хотя по временамъ не чуждъ былъ нѣкотораго возноудумства въ религіозныхъ вопросахъ и колебанія въ своихъ религіозныхъ взглядахъ. Но онъ не былъ также и монотеистомъ ³⁾, хотя высказывалъ иногда о верховномъ божествѣ мысли возвышенныя ⁴⁾).

Вообще въ произведеніяхъ Горация разсѣяно не мало религіозныхъ мыслей, для язычника не лишенныхъ возвышенности. Такъ, кромѣ того, что говоритъ поэтъ о верховномъ существѣ, о значеніи жертвъ и проч. и что уже отмѣчено въ своемъ мѣстѣ, какъ до-

изъ изслѣдователей, что въ *Serm.* I, 34 Гораций отрывается-де отъ эпикурейской философіи и обращается къ стоической, между тѣмъ какъ въ *Epist.* I, 1, 13—15 сообщаетъ о себѣ совсѣмъ не то: въ *Serm.* I, 34 Гораций отказывается не отъ всего ученія Эпикура, а только отъ его ученія о богахъ, какъ на это указано выше. Что касается ссылки на *Serm.* III, 29, 57 слѣд., то она основана на недоразумѣніи: здѣсь поэтъ выражаетъ лишь ту мысль, что, при его умѣренности и отсутствіи страсти къ стяжанію, ему не нужно, какъ бываетъ съ торговцами-мореходами, въ случаѣ бури на морѣ прибѣгать къ мольбамъ и обѣтамъ (срав. комментарий Кисслинга). Что *Serm.* III, 29 не противорѣчитъ *Serm.* I, 34, это видно также изъ III, 29, 29—31 и отчасти 64.

¹⁾ Впрочемъ Гораций часто прииѣшиваетъ религіозный элементъ и къ своимъ застольнымъ и любовнымъ стихотвореніямъ. Сравн. *Weissenfels*, 44 folg.

²⁾ *Teuffel*, *Characteristik des Horaz*, 44. Названный историкъ римской литературы позднѣе, по видимому, нѣсколько измѣнилъ свой взглядъ. Сравн. его *Gesch. d. röm. Lit.*, 3 Aufl., S. 490. Впрочемъ въ нѣкоторыхъ одахъ Гораций несомнѣнно пользовался мифологіей просто лишь какъ вспомогательнымъ средствомъ поэзіи.

³⁾ Такъ думаетъ *W. E. Weber* въ сочиненіи *Q. N. Flaccus als Mensch und Dichter*. Основныя мысли сочиненія видны изъ пары ссылокъ на него въ брошюрѣ Радци. Книга Вебера, какъ и нѣкоторыхъ другихъ сочиненій, намъ не удалось достать.

⁴⁾ Сравн. напр. *Serm.* I, 12, 17—18 и другія мѣста, уже процитованныя въ своемъ мѣстѣ.

стойное особеннаго вниманія, онъ призываетъ, что богъ мудро со-
крываетъ отъ людей будущее ¹⁾). Поэтъ негодуетъ на дерзость рода
людского, не признающаго указанныхъ ему границъ, приводя при
этомъ въ прижѣръ, между прочимъ, Прометея, похитившаго огонь
съ неба, на пагубу людей, и Дедала. Но видимому—но лишь по
видимому—нѣтъ ничего невозможнаго для смертныхъ; въ безумной
дерзости мы стремимся на самое небо и — вызываемъ карающую
молнію Юпитера ²⁾). Сами же боги даруютъ людямъ только то, что
имъ дѣйствительно нужно, и „благо тому, кому богъ бережливой
рукой далъ то, чего достаточно для него“ ³⁾).

Александръ Садовъ.

¹⁾ Сарт. III, 29, 29—30. Срав. I, 11, 1—2.

²⁾ Сарт. I, 3, 25—40. Срав. III, 29, 30—31.

³⁾ Сарт. III, 16, 43—44. Срав. здѣсь же ст. 21.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия Русской Православной Церкви – высшее учебное заведение, целью которого является подготовка священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений и специалистов в области богословских и церковных наук. Академия состоит из следующих подразделений: академия, семинария, подготовительное отделение семинарии, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках процесса компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта – ректор академии епископ Гатчинский **Амвросий** (Ермаков). Куратор проекта – проректор по научно-богословской работе протоиерей Димитрий Юревич. Материалы журнала подготавливаются в формате pdf, распространяются на компакт-диске и размещаются на сайте академии.

На сайте академии
www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки

Санкт-Петербургская православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

А.И. Садов

Религиозно-нравственные взгляды
Кв. Горация Флакка

Опубликовано:
Христианское чтение. 1886. № 11-12. С. 591-617.

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия (www.spbda.ru),
2010. Материал распространяется на основе некоммерческой лицензии
Creative Commons 3.0 с указанием авторства без возможности изменений.

Издательство СПбДА
Санкт-Петербург
2010

II.

Въ христіанскихъ обществахъ мораль находится въ тѣсной связи съ ученіемъ о Богѣ и нравственныя предписанія коренятся въ догматахъ вѣры. Въ древне-римскомъ обществѣ нравственность не стояла въ такоуь близкомъ отношеніи къ религіи. Соотвѣтственно съ этимъ, и мораль Горація лишь въ незначительной степени основывалась на его релігійныхъ взглядахъ, почти всецѣло исходя изъ другихъ источниковъ.

Нравственныя понятія и правила Горація сложились подъ вліяніемъ, прежде всего, воспитанія, которымъ руководилъ его отецъ. Въ одномъ изъ своихъ первыхъ литературныхъ произведеній ¹⁾, указавъ на нравственныя, поясненныя конкретными примѣрами, наставленія своего отца, запавшія ему въ душу, Горацій говорилъ, что вслѣдствіе такихъ наставленій онъ остался чуждъ тѣхъ пороковъ, которые ведутъ человѣка къ гибели ²⁾,

¹⁾ См. «Христ. Чтен.», № 9—10, 1886 г., стр. 380—402.

²⁾ Sat. I, 4.

³⁾ Изъ стиховъ въ Sat. I, 4, предшествующихъ стиху 129 и слѣд., изъ Sat. I, 6, 65—71 и II, 7, 72 видно, что гибельными пороками Горацій считалъ въ ту пору, какъ и поздѣе, расточительность и мотовство, корыстолюбіе и скардность, прелюбодѣяніе и распутство. Сравн. впрочемъ Sat. I, 5, 82—83 и Sat. I, 2. Во второй сатирѣ, говоря противъ прелюбодѣянія, Горацій руководствуется не требованіями нравственности, а тѣми неприятыми послѣдствіями, которыя это преступленіе можетъ имѣть для виновныхъ въ немъ. Срав. также Sat. I, 6, 68.

и имѣть лишь незначительные и простибельные недостатки ¹⁾. Но и отъ этихъ недостатковъ, по его предположенію, онъ можетъ освободиться съ годами, подъ вліяніемъ откровеннаго съ нимъ друга и путемъ собственнаго размышленія, ибо, по словамъ поэта, онъ постоянно заботится о своемъ усовершенствованіи посредствомъ самонаблюденія, непрестанно размышляетъ о томъ, что худо и что хорошо, и свои мысли объ этомъ заноситъ на бумагу ²⁾.

Къ этимъ средствамъ нравственнаго развитія присоединилось вліяніе, оказанное на Горація философами и писателями. Еще въ то время, когда Горацій находился подъ надзоромъ своего отца, послѣдній, на примѣрахъ уча сына морали, говорилъ ему: „чего лучше избѣгать, къ чему стремиться, основанія этого представить тебѣ мудрецъ; для меня же достаточно, если я могу сохранить преданные древними нравы и, пока ты нуждаешься въ надзорѣ, оберечь невредимую твою жизнь и честь. А когда (болѣе зрѣлый) возрастъ укрѣпитъ твой духъ вмѣстѣ съ тѣломъ, тогда плавай безъ пробокъ“ ³⁾, по нашему—ходи безъ помочей, живи своимъ умомъ. Философія, которой отецъ Горація предоставлялъ указать основанія нравственныхъ поступковъ, дѣйствительно сдѣлала это для его сына, и именно, прежде всего, въ бытность послѣдняго съ образовательными цѣлями въ Афинахъ. Самъ поэтъ въ одномъ изъ своихъ писемъ даетъ понять, что въ Афинахъ, центрѣ философскаго знанія, онъ могъ найти болѣе полное и систематическое образованіе и руководство для отличенія „прямого отъ кривого“, добродѣтели отъ порока, чѣмъ то, какое онъ могъ имѣть, живя лишь въ Римѣ. Въ Римѣ, по его словамъ, читая

¹⁾ Сравни. Sat. I, 6, 65 и I, 3, 20. Строгий моралистъ, въ виду Sat. I, 2, врядъ ли однако согласится съ взглядомъ сатирика на всѣ его недостатки, какъ маловажные и извинительные.

²⁾ Sat. I, 4, 129—139.

³⁾ Sat. I, 4, 115—120. Рѣдкая признательность, любовь и pietas Горація къ своему отцу, такъ много сдѣлавшему для него, весьма рельефно выразилась въ Sat. I, 6, 65—88.

Иліаду, онъ могъ узвать, „сколько причинилъ вреда грекамъ гнѣвъ Ахилла“; Аѳины же, куда Горацій, по обычаю молодыхъ римлянъ той поры, отправился для дальнѣйшаго научнаго образованія, сообщили ему больше знаній, и именно философскихъ, потребныхъ для того, чтобы возбудить въ немъ желаніе искать истину. Онъ и искалъ истину, искалъ, по его выраженію, „въ роцѣ Академа“, т. е. въ академической школѣ ¹⁾, хотя, безъ сомнѣнія, не обходилъ и другихъ философскихъ школъ, напримѣръ эпикурейской, что и отразилось на характерѣ его философіи жизни въ молодые годы, какъ это будетъ раскрыто ниже. Въ позднѣйшее время Горацій пользовался съ той же цѣлью какъ произведеніями философскаго содержанія, напримѣръ дидактическимъ трудомъ Лукреція, такъ и твореніями другихъ поэтовъ, которые, на его взглядъ, могутъ даже лучше, пагляднѣе представить ученіе мудрости и добродѣтели, чѣмъ настоящіе философы, въ ихъ отвлеченно изложенныхъ сочиненіяхъ. Горацій указывалъ на Гомера, который, по его мнѣнію, яснѣе и лучше излагаетъ, „что прекрасно (въ нравственномъ отношеніи), что постыдно, что полезно, что нѣтъ“, чѣмъ Хрисиппъ, представитель стоической школы, и Кранторъ, философъ древней академіи. Гомеръ, при перечитываніи, особенно привлекъ къ себѣ Горація тѣмъ, что представилъ въ Иліадѣ примѣръ вреднаго вліянія страсти и увлеченія, а въ Одиссеѣ изобразилъ героя доблести ²⁾. Наконецъ, на складѣ нравственныхъ понятій Горація не остались безъ пѣкотораго вліянія его религіозныя воззрѣнія, возрастъ, къ которому относятся его правила морали, и политическія обстоятельства времени.

Горацій, который самъ еще въ молодые годы имѣлъ благопріятныя поводы вдумываться въ вопросы нравственности и заниматься философіею жизни, совѣтовалъ и другимъ возможно равнѣе обращать вниманіе на этотъ важный предметъ. Такъ, онъ убѣж-

¹⁾ Epist. II, 2, 41—45. Академической философ еей, по мнѣнію Бэра (Gesch. d. R. Liter., B. I, 1868, S. 558), Горацій занимался, «повидимому», въ началѣ

²⁾ Epist. I, 2, 1 слѣд.

дать молодого друга своего Лоллія немедленно же, т. е. еще въ молодости, заняться философіею жизни, отдаться руководству мудрыхъ мужей и чистымъ, еще не испорченнымъ страстями, восприимчивымъ сердцемъ усвоить мудрыя наставленія философовъ, ибо „сосудъ долго сохранить тотъ запахъ (бывшей въ немъ жидкости), которымъ онъ разъ пропитался, когда былъ еще новымъ сосудомъ“ ¹⁾. Не медли, говорилъ онъ Лоллію, противодействовать страстямъ: если мы поспѣшно удаляемъ все, что вредитъ нашему глазу, то тѣмъ больше не слѣдуетъ откладывать врачеваніе страсти, которая есть болѣзнь духа, разъѣдающая его. Заняться этимъ нужно безотлагательно, въ интересахъ скорѣйшаго исполненія, потому что начало есть уже половина дѣла. Человѣкъ, отсрочивающій свое исправленіе, можетъ никогда не пачать его. Онъ будетъ похожъ на того мужика въ баснѣ, который, сидя у рѣки, ждалъ, пока вода стечетъ, чтобы перейти на другой берегъ по сухому дну; но онъ никогда не могъ этого дожидаться, ибо рѣка вѣчно будетъ катить къ устью свои воды. Заниматься своимъ философско-нравственнымъ образованіемъ нужно усердно и для этого дѣла жертвовать даже нѣкоторыми удобствами жизни, чтобы впоследствии не мучиться страстями ²⁾. Не слѣдуетъ, говоритъ Гораций въ другомъ письмѣ, смущаться опасеніемъ того, что можно сдѣлать мало для своего нравственнаго облагороженія: было бы хорошо сдѣлать и то, что можно сдѣлать ³⁾.

Дѣломъ своего нравственнаго развитія должно заниматься и въ дальнѣйшіе годы жизни, притомъ съ полнымъ, неослабѣвающимъ рвеніемъ. Поэтъ дивится невниманію людей къ ихъ духовнымъ слабостямъ, недостаткамъ и порокамъ, особенно—къ пагубной страсти корыстолюбія. Если бы, обращается онъ къ себѣ, хотя на самомъ дѣлѣ имѣеть въ виду другихъ римлянъ,—если бы тебя мучила страшная жажда, которой ты не могъ бы утолить ника-

¹⁾ Epist. I, 2, 67—70.

²⁾ Ibid., 37—43; 34—37; conf: 32—33.

³⁾ Epist. I, 1, 32.

нимъ количествомъ воды, то ты посоветовался бы объ этомъ съ медиками; а въ своей страсти къ стяжанію, усиливающейся съ увеличеніемъ твоего имущества, ты не осмѣливаешься ни передъ кѣмъ сознаться, съ цѣлью получить добрый совѣтъ и врачеваніе? ¹⁾). Между тѣмъ стать на путь нравственнаго исправленія не слишкомъ трудно и начинается оно съ малаго. Прежде всего отъ чело-вѣка требуется лишь серьезное желаніе исправиться. Никто, по мнѣнію Горация, не закоснѣлъ до такой степени въ своихъ стра-стяхъ и недостаткахъ, чтобы не могъ смягчиться, если только откроетъ онъ свой слухъ для словъ назиданія въ духѣ добродѣтели. Добродѣтель же прежде всего состоитъ въ томъ, чтобы избѣгать порока, и быть свободнымъ отъ глупости есть начало мудрости. Римлянинъ съ крайнимъ напряженіемъ духовныхъ и тѣлесныхъ силъ избѣгаетъ того, что считаетъ величайшимъ зломъ, именно— малаго цѣна и постыдной (по ходячему мнѣнію) неудачи на вы-борахъ. Будучи кунцомъ и желая разбогатѣть, онъ, не взирая ни на какія труды и опасности, отправляется въ отдаленнѣйшіе края земли. Почему же не послушать ему совѣтовъ мудрости, которая освободила бы его отъ страстей и, цѣною меньшаго на-пряженія силъ, дала бы ему высшее благо? ²⁾). Мудростію, по мнѣнію Горация, должны заниматься все мы, и великіе и малые люди, если хотимъ жить дорогою для отечества и себя самихъ ³⁾). И самъ Гораций былъ ея чителемъ и дѣятельнымъ сторонникомъ въ зрѣлые и позднѣйшіе годы жизни, когда вообще мысли у лю-дей становятся серьезнѣе и жизненные задачи выступаютъ впе-редъ, хотя и въ годы болѣе молодые онъ не былъ совершенно чуждъ тѣхъ же серьезныхъ взглядовъ на жизнь. Въ одномъ изъ своихъ писемъ онъ говорилъ, что для него медленно и безъ удо-вольствія проходитъ время, въ которое онъ не можетъ равностно запыться „тѣмъ, что равно полезно бѣднымъ, равно (полезно) и

¹⁾ Epist. II, 2, 145 слѣд.

²⁾ Epist. I, 1, 39—48.

³⁾ Epist. I, 3, 28—29.

богатымъ, пренебреженіе къ чему одинаково вредно будетъ для юношей и старцевъ“¹⁾, т. е. истинною мудростію, философіею жизни. Нѣсколько позднѣе, уже на закатѣ своихъ дней, онъ говорилъ о себѣ, что полезно, „бросивъ пустяки“, т. е. занятіе лирическою поэзіею, и предоставивъ молодымъ людямъ эту, болѣе подходящую къ ихъ возрасту, забаву, сообразовать свою жизнь съ предписаніями мудрости,—вмѣсто гармоніи стиха заняться гармоніею жизни, по началамъ истинной философіи²⁾.

Основное требованіе той философіи жизни, которую такъ настойчиво и убѣдительно проповѣдывалъ Гораций въ позднѣйшіе годы своей жизни и къ которой онъ нѣсколько склонялся также въ годы болѣе ранніе, заключалось въ слѣдующемъ: пользуйся тѣмъ, что даютъ тебѣ жизнь и обстоятельства, но такъ, чтобы сохранить при этомъ свою свободу, быть по возможности независимымъ отъ людей и обстоятельствъ, оставаться господиномъ своего положенія³⁾. Это основное правило Горациевой философіи, котораго онъ старался держаться съ юности и до старости, дополнялось двумя частными правилами, изъ коихъ одному слѣдовалъ Гораций преимущественно въ молодости, другому—въ періодъ полной зрѣлости. Согласно первому изъ нихъ, въ вышеуказанное основное правило входило, какъ дополнительный элементъ, требованіе наслажденія жизнию; согласно же второму, въ приведенное главное правило вводился, какъ существенная часть, элементъ добродѣтели. Такимъ образомъ жизненная философія Горация въ молодые годы выходила въ значительной степени изъ стремленія его къ наслажденію, въ годы же дальнѣйшіе — по преимуществу изъ

¹⁾ Epist. I, 1, 23—27.

²⁾ Epist. II, 2, 141—144; срав. I, 1, 10. У Горация, какъ и у другихъ лучшихъ римлянъ того времени, на склонѣ ихъ жизни, философія занимала то самое мѣсто, которое занимаетъ иногда религія у людей преклоннаго возраста въ наше время.

³⁾ Слова Горация въ Epist. I, 1, 19: *mibi res, non me rebus subiungere* сопог—могутъ быть по всей справедливости названы кореннымъ правиломъ Горация на протяженіи всей его жизни.

стремленія къ самой добродѣтели, соотвѣтственно съ тяготѣніемъ его сначала къ эпикуреизму, затѣмъ—къ стоицизму. Но полной устойчивости Горация въ этихъ его взглядахъ и постоянной выдержанности ихъ было бы напрасно искать у вѣнзійскаго поэта, какъ на это самъ онъ указываетъ неоднократно.

Разсматривая жизнь съ точки зрѣнія своей философіи, Гораций естественно не могъ одобрять ни увлеченій современнаго ему римскаго общества разными преимуществами внѣшняго положенія, ни погони за богатствами, вообще—всего, что выводитъ человѣка изъ душевнаго равновѣсія, не давая, взамѣнъ того, дѣйствительнаго и прочнаго счастья. Въ частности, онъ энергично высказывался противъ увлеченій честолюбцевъ, которые, какъ извѣстно, усиленно соперничали другъ съ другомъ въ хлопотахъ изъ-за полученія государственныхъ должностей, всяческими (не всегда, разумѣется, честными и прямыми) средствами старались заручиться расположеніемъ „непостоянныхъ квиритовъ“ ¹⁾, сложившимся обычаемъ вынуждались прибѣгать при этомъ къ подкупамъ и унижительной лести по отношенію къ избирателямъ ²⁾, во время выборовъ испытывали муки страха за благоприятный для нихъ исходъ дѣла и т. д. По мнѣнію поэта, искомая государственная должность, если бы даже она была получена, не условливаетъ и не обезпечиваетъ счастья. Даже высшее въ Римѣ консульское достоинство не избавитъ человѣка отъ тревогъ душевныхъ, дѣлающихъ его несчастнымъ ³⁾. Горацию не представлялась, кажется, привлекательною и необходимостью болѣе или менѣе, въ такой или иной формѣ, подлаживаться къ вліятельнымъ людямъ для человѣка, желающаго вообще подняться или—что называется—выйти въ люди, хотя подчасъ онъ и мирился съ нею ⁴⁾. Поэтому онъ

¹⁾ Сарт. I, 1, 7. Сравни. III, 2, 17—20.

²⁾ Сравни. относящееся сюда прекрасное мѣсто въ Epist. I, 6, 49—55.

³⁾ Сарт. II, 16, 9—10.

⁴⁾ Въ Epist. I, 17 Гораций указываетъ своему адресату средства, при которыхъ онъ могъ бы примѣняться къ обстоятельствамъ и ладить съ своимъ

однажды выразился, что „не худо прожить тотъ, кто родился и умеръ безвѣстнымъ“¹⁾. Отсюда объясняется отчасти и фактъ отказа самого Горация отъ предложенной ему Августомъ должности при себѣ²⁾, должности, которая могла доставить Горацию вліяніе и которая во всякомъ случаѣ могла льстить обыкновенному честолюбію, если бы только оно было у него. Соответственно съ своимъ взглядомъ на тщеславіе, въ какихъ бы формахъ оно ни выражалось, поэтъ не считалъ также разумнымъ гоняться за одобреніемъ толпы въ вопросахъ литературныхъ, дѣля лишь отзывы людей образованныхъ и компетентныхъ³⁾.

Отстаивая свободу человѣка отъ страсти честолюбія, Гораций еще настойчивѣе и чаще говорилъ противъ другой страсти, свившей гнѣздо въ римскомъ обществѣ еще въ концѣ республики, особенно же при монархіи, которая отягла у гражданъ занятіе государственными дѣлами и заставила ихъ обратить свои помыслы къ инымъ дѣламъ,—именно противъ корыстолюбія, въ разныхъ его видахъ и степеняхъ. „Серебро маловажнѣе золота, золото ниже добродѣтелей“, говоритъ Гораций. Но въ Римѣ, какъ съ горестью замѣчаетъ онъ, объ этомъ судятъ какъ разъ наоборотъ. „Граждане, граждане, прежде всего нужно искать денегъ, добродѣтель же—послѣ нихъ“: въ этомъ смыслѣ открыто и громко проповѣдуетъ Янусъ (т. е. биржа) съ верху до низу, это повторяютъ юности и старцы⁴⁾. По мнѣнію поэта, гораздо лучше стоять выше этой унизительной и вредной страсти. „Тотъ ли, спрашиваетъ онъ, даетъ тебѣ лучшей совѣтъ, кто совѣтуетъ имуществу пріобрѣтать, имущество, если можешь, то прямымъ путемъ, если же нельзя, то какимъ ни есть способомъ, (лишь бы) имущество, чтобы въ театрѣ

покровителемъ, не теряя своей свободы и личнаго достоинства. При этомъ Гораций отчасти пѣвалъ, кажется, въ виду и свои отношенія къ Меценату.

¹⁾ Epist. I, 17, 10.

²⁾ C. Suetonii Tranquilli quae supersunt omnia, rec. Roth, 1877, pag. 297—298.

³⁾ Срав. напримѣръ Sat. I, 10, 73—76.

⁴⁾ Epist. I, 1, 52—55.

съ ближайшаго къ сценѣ мѣста смотрѣть слезливыя псыш Пунія, — или тотъ (даетъ лучшій совѣтъ), кто, какъ всегда готовый помочь другъ, убѣждаетъ тебя свободно и мужественно противиться падменной фортунѣ и дѣластъ тебя пригоднымъ для этого сопротивленія“ ¹⁾). Горацій съ своей стороны приводитъ всевозможныя соображенія противъ объявшеи римлянъ страсти къ стяжанію. Онъ указываетъ на то, что страсть къ корысти ведетъ человѣка къ рабству. Человѣкъ, стремящійся къ богатствамъ, лишается свободы духа, которая дороже металла, и навсегда останется работою своей страсти, ибо не сумѣетъ пользоваться и довольствоваться малымъ ²⁾). Особенно можно сказать это о скупыхъ корыстолюбцахъ. „Я не вижу, чѣмъ лучше, чѣмъ свободнѣе человѣкъ алчный раба, когда онъ нагибается къ землѣ ради застѣваго на перекресткѣ асса (чтобы поднять его). Вѣдь кто будетъ желать (увеличенія своего имущества), тотъ будетъ также и бояться за его сохранность ³⁾); далѣе, кто въ страхѣ будетъ жить, тотъ, (на мой взглядъ, никогда не будетъ свободнымъ“ ⁴⁾). Богатства отнимаютъ у человѣка покой, одно изъ существенныхъ условій счастія. „Бодрствовать вѣкъ себя отъ страха, днемъ и ночью бояться злыхъ воровъ, пожаровъ, рабовъ, чтобы послѣдніе, убѣгая, до-чиста не обобрали тебя, — развѣ это пріятно? Я (съ своей стороны) желалъ бы всегда остаться абсолютно лишеннымъ этихъ, (причиняющихъ такіа мученія), богатствъ“ ⁵⁾). Вслѣдствіе нецѣпаго стремленія людей превзойти и затмить всѣхъ своимъ богатствомъ, „рѣдко можно встрѣтить человѣка, который говорилъ бы, что онъ жилъ счастливо, и, довольный прожитымъ временемъ, уходилъ бы съ жизненнаго шара, какъ гость сытый“ ⁶⁾). Богатство лишь питаетъ жадность и вызываетъ сильнѣйшій аппетитъ. „За возрастаніемъ

¹⁾ Epist. I, 1, 65—69.

²⁾ Epist. I, 10, 39—41.

³⁾ Срав. Epist. I, 2, 51; I, 6, 10; II, 2, 156.

⁴⁾ Epist. I, 16, 63—66.

⁵⁾ Sat. I, 1, 76—79.

⁶⁾ Sat. I, 1, 117—119.

(у человѣка) денегъ слѣдомъ идетъ забота и жажда большаго¹⁾. Само же богатство не можетъ прогнать отъ человѣка многихъ другихъ заботъ и сердечной кручины. „Ни сокровища, ни (также) консульскій ликторъ не удаляютъ печальной тревоги духа и заботъ, летающихъ около разукрашенныхъ потолковъ съ каскетинами (въ покояхъ богачей)“²⁾. „Ни домъ и имѣнiе, ни гряда жѣды и золота не выводятъ лихорадки изъ тѣла больнаго господина и не освобождаютъ его душу отъ заботъ. Нужно, чтобы владѣлецъ былъ здоровъ (духомъ), если онъ думаетъ хорошо пользоваться собраннымъ добромъ. Кто жаждаетъ (увеличенiя своихъ матеріальныхъ средствъ) или боится (ихъ утраты), тому его домъ и имущество такъ же (мало) служатъ на пользу, какъ больному глазами—картины, страдающему подагрой—принарки, ушамъ болѣющимъ отъ скопившейся въ нихъ нечистоты—цитры“³⁾. Съ другой стороны блага матеріальныя проходящи и непрочны⁴⁾, да и самъ человѣкъ не всегда можетъ пользоваться ими, почему, въ виду неизбежной смерти, было бы безразсудно придавать имъ чрезмѣрную цѣну и добиваться ихъ⁵⁾. Но если человѣку какимъ нибудь образомъ досталось богатство, то слѣдуетъ давать ему разумное прилѣженiе, именно употреблять его для удовлетворенiя своихъ потребностей⁶⁾ и на нужды другихъ, близкихъ лицъ. Въ примѣръ человѣка, распорядившагося своимъ богатствомъ именно такимъ способомъ, можно взять Прокулея, извѣстнаго чисто отеческимъ расположенiемъ къ братьямъ: съ ними онъ подѣлилъ собственное имущество, когда тѣ въ междоусобныхъ войнахъ потеряли свое состоянiе. За то вѣчно будетъ жить этотъ человѣкъ въ памяти потомства⁷⁾.

¹⁾ Carm. III, 16, 17—18.

²⁾ Carm. II, 16, 9—12.

³⁾ Epist. I, 2, 47—53.

⁴⁾ Epist. I, 6, 24—25.

⁵⁾ Epist. II, 2, 175—179.

⁶⁾ Sat. I, 1, 41 слѣд.

⁷⁾ Carm. II, 2, 5—8.

Видно того, чтобы гнаться за богатствами, быть при этомъ вѣчно неудовлетвореннымъ и никогда не имѣть покоя, благоразумнѣе довольствоваться тѣмъ, чего можетъ хватить для жизни. „Кому досталось то, чего достаточно для него, тотъ пусть не желаетъ большаго“ ¹⁾. Человѣкъ, который желаетъ имѣть только то, чего хватило бы на его нужды, не беспокоятъ ни бури на морѣ, приносящія столько тревогъ торговцамъ, мечтающимъ о барышахъ, ни сельско-хозяйственныя невзгоды, мучащія крупныхъ землевладѣльцевъ, думающихъ о наживѣ ²⁾. Затѣмъ, не слѣдуетъ стремиться къ большему, чѣмъ сколько есть у человѣка на лицо: вѣдь „не однимъ богачамъ выпадаютъ на долю радости“ ³⁾, счастливо можно жить и въ бѣдности ⁴⁾, „подъ бѣдной кровлей можно (даже) превзойти (самыхъ) царей и царскихъ друзей жизнью“ ⁵⁾, другими словами — бѣдный человѣкъ можетъ даже больше наслаждаться жизнью, чѣмъ цари и друзья царей.

Подобныя соображенія не могли однако быть убѣдительными для всѣхъ римлянъ. Нѣкоторые изъ послѣднихъ находили достаточно, какъ имъ казалось, оправданіе своей склонности къ стяжанію. „Добрая (т. е. большая) часть людей, которыхъ обуяла страсть, „не довольно“, говоритъ, „потому что лишь столько ты и стоишь (т. е. столько и значенія имѣешь), сколько есть у тебя матеріальныхъ средствъ“. Что станешь дѣлать съ разсуждающимъ такъ человѣкомъ? Предоставь ему быть жалкимъ, потому что онъ охотно дѣлаетъ это“, ему доставляетъ удовольствіе быть жалкимъ ⁶⁾. Съ подобными людьми, дѣйствительно, ничего больше не остается дѣлать, какъ предоставить ихъ собственной участи.

Такія разсужденія Горация о безполезности и даже вредѣ богатства во всевозможныхъ отношеніяхъ не были только хорошими

¹⁾ Epist. I, 2, 46. Срав. Sat. II, 2, 1 слѣд.

²⁾ Carm. III, 1, 25—32 слѣд.

³⁾ Epist. I, 17, 9.

⁴⁾ Carm. II, 16, 13—15.

⁵⁾ Epist. I, 10, 32—33.

⁶⁾ Sat. I, 1, 61—64.

словами, простыми фразами: онъ принималъ ихъ и къ себѣ, онъ и самъ поступалъ сообразно съ ними, повидимому, въ теченіи всей своей жизни ¹⁾. Въ одномъ изъ сравнительно раннихъ своихъ произведеній онъ сдѣлалъ слѣдующее признаніе: „Вотъ что было предметомъ моихъ желаній: кусокъ поля, не такъ (= не очень) большой, гдѣ былъ бы садъ, и источникъ неизсякающей воды близъ дома, и сверхъ того немного лѣса. Боги даровали нѣчто большее и лучшее. Хорошо. Ни о чемъ больше не молю тебя, сынъ Майи, развѣ только о томъ, чтобы эти дары ты упрочилъ за мною“ ²⁾. Нѣсколько позже онъ опять выражалъ свое полное довольство однимъ сабинскимъ имѣніемъ ³⁾. Еще позже Гораций писалъ одному изъ своихъ друзей: „Всякій разъ, какъ холодный потокъ Дигенція (протекающій подлѣ сабинскаго имѣнія) освѣжаетъ меня..., что — полагаешь ты, другъ (Лоллій)—чувствую я, о чемъ—думаешь—молюсь? (Вотъ о чемъ). Пусть будетъ у меня то, что есть теперь, даже меньше; и пусть я живу для себя, сколько остается мнѣ вѣку, если богамъ угодно продлить мой вѣкъ; пусть будетъ у меня хорошей запасъ книгъ ⁴⁾ и заготовленнаго хлѣба на годъ; и пусть я не колеблюсь въ надеждѣ относительно часовъ неизвѣстныхъ. Но довольно молить Юпитера, который даетъ и отнимаетъ. Пусть дастъ онъ (лишь) жизнь, дастъ средства (для жизни); душевный покой я самъ доставлю себѣ“ ⁵⁾, потому что, какъ мысленно цопривляется поэтъ, боговъ нужно просить только о томъ, чего самъ человѣкъ доставить себѣ не можетъ; освободиться же отъ душевныхъ тревогъ зависитъ отъ человѣка ⁶⁾. Го-

¹⁾ Гебгарди по одному случаю замѣчаютъ: Horaz hat nichts gelehrt, was er nicht durch seinen Wandel vertrat (Aest. Komm., 173). Къ этому выводу нельзя не присоединиться, если только немного ограничить его въ отношеніи къ некоторымъ сторонамъ жизни.

²⁾ Sat. II, 6, 1—5.

³⁾ Carm. II, 18, 14.

⁴⁾ Срав. Sat. II, 3, 11—12.

⁵⁾ Epist. I, 18, 101--112. Срав. Carm. I, 31, 17—20.

⁶⁾ Die starke (antik-heidnische) Selbstgerechtigkeit wird hier Niemand verkennen (Schütz).

рацій такъ не много придавалъ цѣны матеріальнымъ благамъ сравнительно съ нравственными, въ частности съ свободой, что готовъ былъ отказаться отъ сабинскаго помѣстья (не смотря на то, что безъ этого имѣнія существовать Горацию было бы трудно), если бы пользованіе этимъ даромъ Мецената нельзя было согласить съ сохраненіемъ личной независимости: такое лишеніе вознаграждалось бы для поэта сохраненіемъ высшаго блага, блага свободы ¹⁾.

Возставая противъ порабощенія людей указаннымъ страстямъ, поэтъ вооружался и противъ нѣкоторыхъ другихъ видовъ рабства, именно противъ рабства женщинамъ ²⁾, хотя въ годы молодости онъ, конечно, не свободенъ былъ отъ увлеченій, — противъ рабства чреву или чревоугодія. Правда, что касается даровъ Бакха, то Гораций въ молодомъ и зрѣломъ, а отчасти даже и въ преклонномъ возрастѣ ³⁾, былъ большимъ ихъ любителемъ. Въ молодости онъ не только самъ любилъ при случаѣ хорошо выпить ⁴⁾, какъ большинство поэтовъ всѣхъ временъ и народовъ, но и другихъ приглашалъ обращаться къ дарамъ веселаго бога вина, чтобы, напримеръ, разсѣять заботы и грусть ⁵⁾, такъ какъ — на его тогдашній взглядъ — никакое другое средство, кромѣ вина, не прогонитъ безпокойствъ, которыя гложутъ человѣческое сердце ⁶⁾. И въ позднѣйшіе годы Гораций не прочь былъ при случаѣ ⁷⁾ обратиться къ тѣмъ же дарамъ ⁸⁾, хотя въ эту пору жизни съ указанной стороны онъ значительно измѣнился ⁹⁾, между прочимъ и потому, что научился серьезнѣе и глубже смотрѣть на жизнь и на то, что жизнь

¹⁾ Epist. I, 7, 39 и др.

²⁾ Epist. I, 2, 23 слѣд. Срав. Teuffel, Character. d. Horaz, 55—56, и L. Müller, Biographie, 34.

³⁾ Гораций умеръ не въ старыхъ, но и не въ молодыхъ лѣтахъ, именно на 57-мъ году жизни.

⁴⁾ Sat. II, 3, 3; сравн. I, 6, 116—118.

⁵⁾ Epod. 9, 37—38; Carm. II, 11, 17—18; Epod. 13, 17.

⁶⁾ См. напримеръ Carm. I, 18, 4.

⁷⁾ Относительно всендневной, обыденной жизни его срав. Epist. I, 14, 35.

⁸⁾ Epist. I, 5, 14; I, 15, 18.

⁹⁾ Сравн. Epist. I, 14, 34—35.

приносить съ собою, и могъ убѣдиться въ справедливости той мысли, что жизнь духа и его состоянія не всегда могутъ поддаваться влияніямъ отъ вѣѣ. Вообще же къ дарамъ бога вина Горацій былъ нѣсколько слабъ, хотя эта его слабость никогда, кажется, не обращалась въ рабство. За то тѣмъ энергичнѣе и постояннѣе вооружался поэтъ противъ порабощенія чреву въ болѣе тѣсномъ смыслѣ слова, противъ чрезмѣрнаго и изыскачнаго питанія. Еще въ то время, когда Горацій писалъ свои сатиры, онъ доказывалъ пользу простоты и умѣренности въ пищѣ и вредъ неуѣренности, которая худо отражается не только на тѣлѣ, но и на духѣ ¹⁾. „Тѣло, обремененное вчерашними излишествами, угнетаетъ вѣстѣ и духъ, и привязываетъ къ землѣ частицу божественнаго дуновенія“ ²⁾.

Свои правила объ умѣренности въ пищѣ Горацій назначалъ не для другихъ только. Я, говорилъ онъ, не хвалю сна челоуѣка изъ простаго народа, самъ наѣвшись откормленныхъ птицъ ³⁾, т. е. не на словахъ только, не тогда лишь хвалю я простую жизнь поселянъ, когда самъ насытился разными вкусными яствами, иначе сказать—я всегда могу обойтись безъ подобнаго рода наслажденій и не стану ощущать отсутствія ихъ. Дѣйствительно, даже и въ молодости Горацій обыкновенно довольствовался, кажется, скромнымъ столомъ ⁴⁾, не смотря на то, что, при своихъ отношеніяхъ къ Мecenату, могъ, повидимому, если бы захотѣлъ, жить даже съ нѣкоторой роскошью ⁵⁾. Впрочемъ поэтъ позволялъ себѣ

¹⁾ Sat. II, 2, 70 слѣд.

²⁾ Sat. II, 2, 77—79. Срав. Cic. Tusc. disp., V, 13, 38: *humanus animus decerptus ex mente divina cum alio nullo nisi cum ipso deo, si hoc fas est dictu, comparari potest.* Cic. De senect. 21, 77: *est animus caelestis ex altissimo domicilio depressus et quasi demersus in terram, locum divinae naturae aeternitatisque contrarium.* Conf. Tusc. disput. I, 27, 66; Cat. m. 21, 78.

³⁾ Epist. I, 7, 35.

⁴⁾ Sat. I, 6, 114—115. Срав. Carm. I, 31, 15—16. По поводу второго изъ процитованныхъ мѣстъ Миллеръ въ біографіи Горація (стр. 33—34) замѣчаетъ, что слова поэта объ его умѣренности нужно принимать съ нѣкоторой осторожностью.

⁵⁾ У Светонія въ указанномъ мѣстѣ читасмъ: *Maecenas quantopere cum*

и отступленія отъ своихъ правилъ умѣренности, какъ это видно на примѣръ изъ упрека, который онъ вложилъ въ уста своего раба Давъ и направилъ по своему адресу: „Если ты, говорилъ Давъ Горацию, куда не знаешь на обѣдъ, ты хвалишь овощи, не доставляющую никакихъ хлопотъ (т. е. свой обѣдъ, не сопряженный ни съ какимъ безпокойствомъ), и при такихъ обстоятельствахъ называешь себя счастливымъ и доволенъ собой, такъ какъ нигдѣ не придется тебѣ нить, какъ будто куда нибудь (на обѣдъ) тебя тащатъ на веревкѣ. (А) ведишь тебѣ Меценатъ (даже) поздно, при первыхъ огняхъ, придти въ качествѣ гостя, ты кричишь и неистовствуешь: „ужели никто поскорѣе не принесетъ мнѣ масло? ¹⁾. Эй, кто слышитъ“? ²⁾. Подобныя противорѣчія понятны: самъ же Гораций выразился по одному случаю, что „въ свое время и подурачиться пріятно“ ³⁾.

Такимъ образомъ, въ общемъ, Гораций былъ сторонникомъ правила „золотой середины“, внушеннаго ему, быть можетъ, Аристотелемъ или Аристотелемъ ⁴⁾, вполне имъ усвоеннаго, послѣ собственнаго жизненнаго опыта, и потому проходящаго черезъ всю его жизнь и литературныя произведенія. Это правило онъ распространялъ на всевозможныя жизненныя отношенія и положенія, въ томъ числѣ и нравственныя ⁵⁾. На его взглядъ, не слѣдуетъ ни притѣрять быть ни слишкомъ сѣдымъ, ни черезчуръ осторожнымъ, въ счастіи не должно быть безмѣрно умѣреннымъ, въ несчастіи

dilexerit satis testatur illo epigrammate: Ni te etc., sed multo magis extremis iudiciis tali ad Augustum elogio: «Horati Flacci ut mei esto memore». Срвн. Carm. II, 17, 1 слѣд. и мн. др.

¹⁾ Т. е. или масло для фонаря, несеніе котораго лежало на обязанности раба, называвшагося *laternarius*, или лампу, которою у римлянъ также освѣщали путь предъ собою, или (что менѣе вѣроятно) масло для намащенія предъ тѣмъ, какъ идти къ Меценату. Приглашеніе отъ Мецената пришло поздно, уже въ сумерки, и Гораций имѣетъ мало времени для приготовленій.

²⁾ Sat. II, 7, 29—35.

³⁾ Carm. IV, 12, 23.

⁴⁾ Срвн. Gebhardi, 172. «Вѣра и Разумъ», 1886, № 1, отд. филос., стр. 38.

⁵⁾ Срвн. Epist. I, 18, 9.

падать духомъ. Впрочемъ объ указанныя крайности, на взглядъ Горация, опасны не въ равной степени; но крайней мѣрѣ въ одной изъ одъ, написанной на эту тему, онъ говоритъ о той и другой неодинаково много, и по преимуществу совѣтуетъ не стремиться слишкомъ въ высъ. „Правильнѣе (и влѣдствіе того счастливѣе, вообще лучше) будешь жить, писалъ онъ въ одѣ, обращенной къ Лицинію, если не станешь ни постоянно пускаться въ открытое море, ни слишкомъ близко держаться опаснаго (по причинѣ скаль и мелей) берега, остерегаясь и боясь (морскихъ) бурь“ ¹⁾. Лучше избрать въ жизни золотую середину. При этомъ особенно надлежитъ быть бдительнымъ по отношенію къ одной изъ крайностей, заключающейся въ высотѣ положенія. „Исполинская сосна чаще колеблется вѣтрами, и высокія башни тяжелѣе падаютъ, и (не инья, какъ) самыя большія горы поражаются молніями“ ²⁾, т. е. чаще повергается въ несчастіе человекъ высокопоставленный, чѣмъ лицо скромнаго общественнаго положенія, и для перваго его паденіе гораздо опаснѣе и чувствительнѣе, чѣмъ для втораго ³⁾. Съ этой точки зрѣнія смотрѣлъ Гораций на всѣ внѣшнія блага и въ отношеніи ко всѣмъ имъ считалъ необходимымъ держаться середины. Мало того: на его взглядъ, полезно быть безразличнымъ и соблюдать равнодушіе въ отношеніи всѣхъ такихъ благъ, какъ „дары земли“ (т. е. металлы и драгоценныя камни) „и моря“ (т. е. жемчугъ, пурпуръ), „рукоплесканія“ толпы и „дары дружественнаго квирита“ (т. е. государственныя должности), такъ какъ „ничему не удивляться есть почти лишь одно, что можетъ сдѣлать и сохранить человека счастливымъ.“ ⁴⁾.

¹⁾ Поэтъ любитъ сравнивать жизнь съ плаваніемъ по морю и судьбы жизненныя съ опасностями на морѣ.

²⁾ Сарт. II, 10, 1—4 и 9—12.

³⁾ Эта мысль была, по всей вѣроятности, навѣяна на Горация всяческими катастрофами въ періодъ междуусобныхъ войнъ и, быть можетъ, отчасти руководила имъ въ его рѣшеніи отказаться отъ участія въ блестящей придворной жизни.

⁴⁾ Epist. I, 6, 1—2 и слѣд.

Удивленіе предъ чѣмъ либо и само по себѣ лишаетъ духъ спокойствія, необходимаго для счастья; но кромѣ того изъ удивленія нерѣдко возникаетъ у человѣка желаніе обладать предметомъ, возбудившимъ его удивленіе, послѣ же пріобрѣтенія его рождается опасеніе утраты; а такія волненія не составляютъ счастья. Поэтъ совѣтовалъ мириться съ доставшимся каждому жребіемъ. Наблюдая въ римлянахъ едва не всѣхъ общественныхъ классовъ и профессій недовольство своей судьбой, онъ указывалъ и разъяснял неоправданность такого недовольства ¹⁾, убѣждалъ ихъ стать выше внѣшнихъ обстоятельствъ, какъ и самъ дѣлалъ ²⁾, доказывалъ, что счастье не внѣ, по въ насъ самихъ. „Кто, удалившись изъ отечества, убѣждалъ также и отъ себя самого“, отъ терзающихъ его безпокойствъ? ³⁾.

Важное условіе счастья есть добродѣтель ⁴⁾. „Хочешь жить какъ слѣдуетъ (а потому и счастливо)? А кто этого не желаетъ? (Въ такомъ случаѣ) если (на твой, какъ и на мой, взглядъ) одна добродѣтель можетъ дать это, мужественно приложи къ сему свою заботу, оставивъ удовольствія. Если же добродѣтель считаешь ты словомъ (звукомъ пустымъ), какъ роцу священную—дровами, то заботься, чтобы никто другой не прибылъ раньше тебя въ гавань, чтобы не потерять тебѣ (выгодныхъ торговыхъ) операцій въ Кивирѣ и въ Вивиніи“ ⁵⁾, т. е. вообще хлопочи о приумноженіи своего богатства. Но такъ можетъ поступать лишь человѣкъ, въ которомъ нѣтъ ничего идеальнаго, который не здравъ духомъ. То же замѣчаніе приложимо и къ человѣку честолюбивому. „Кого услаждаетъ ложная честь и страшитъ ложное безчестіе, какъ не человѣка, исполненнаго недостатковъ и нуж-

¹⁾ Sat. I, 1; Epist. I, 10 и др.

²⁾ Epist. I, 1, 19.

³⁾ Carm. II, 16, 19—20. Срав. Epist. I, 14, 12—13.

⁴⁾ Epist. I, 16, 19—20. Сравн. Carm. III, 24, 44; Sat. II, 6, 72—75 и др.

⁵⁾ Epist. I, 6, 29—33. Гораций въ этотъ разъ не считаетъ даже нужнымъ оспаривать второе мнѣніе, давая лишь повяте свое рѣшительное несогласіе съ нимъ. Срав. Sat. I, 1, 61.

дающагося въ исправленіи*? ¹⁾). Добродѣтель же должна корениться въ самомъ сердцѣ чловѣка, а не служить лишь на показъ ²⁾; изъ чистой любви къ ней, а не изъ страха наказанія, должны вытекать добрыя поступки чловѣка ³⁾).

Для того, чтобы быть счастливымъ, чловѣку нужно имѣть, кромѣ добрыхъ свойствъ природы и характера и кромѣ личной независимости, нѣкоторые духовные интересы. Самъ Гораций съ этой стороны могъ считать и считалъ себя счастливымъ, что не безъ самодовольства и высказывалъ. „У меня, говоритъ онъ, есть вѣрность и богатая жила (поэтическаго) дарованія, и меня, бѣдняка, ищетъ богачъ. Ничего больше у боговъ не вымаливаю“ ⁴⁾). Онъ находилъ величайшее удовольствіе въ деревенской жизни, съ тѣми духовными наслажденіями, которыя въ ней были доступны для него. Онъ мечталъ о чтеніи въ деревнѣ „книгъ древнихъ“ ⁵⁾, и, отправляясь въ сабинское имѣніе, бралъ съ собою сочиненія Платона философа, Менандра, даровитаго поэта новой комедіи, Евполида, одного изъ лучшихъ представителей древней аттической комедіи, Архилоха, представителя ямбической поэзіи ⁶⁾, вообще образцовыхъ мыслителей и поэтовъ древности. Чтенію, а также и письму, посвящалъ поэтъ часть своего дня и въ то время, когда проживалъ въ Римѣ ⁷⁾). Отсюда и изъ многихъ другихъ мѣстъ у Горация ⁸⁾, по разнымъ поводамъ упомянутыхъ уже прежде, можно заключать, что точно такіе же интересы долженъ былъ Гораций внушать и всѣмъ, кто хотѣлъ жить счастливо.

Такого рода взгляды Горация во многихъ отношеніяхъ смятены и не лишены даже поучительности. То же слѣдуетъ сказать

¹⁾ Epist. I, 16, 39—40; сравн. II, 2, 206—207.

²⁾ Epist. I, 16, 54 sqq.

³⁾ Ibid. v. 52—53.

⁴⁾ Carm. II, 18, 9—12. Гораций упоминаетъ здѣсь о богахъ потому, что указанная свойства суть даръ боговъ.

⁵⁾ Sat. II, 6, 61.

⁶⁾ Sat. II, 3, 11—12.

⁷⁾ Sat. I, 6, 122—123.

⁸⁾ Сравн. Epist. I, 2, 1 слѣд.; II, 3, 268—269.

о некоторых сужденіяхъ поэта касательно взаимныхъ отношеній людей. Эти сужденія выставляютъ Горація въ весьма благопріятномъ свѣтѣ, въ нихъ сказывается его мягкая и благородная натура. Такъ, въ одной изъ одъ поэтъ выражаетъ свое негодованіе на несправедливость и безсердечіе жаднаго богача—землевладѣльца, который не обращаетъ даже вниманія на межевые камни соседскаго поля (а это считалось въ Римѣ великимъ нечестіемъ) и вторгается въ границы имѣнія кліентовъ, не желая знать своихъ обязанностей къ нимъ, предписанныхъ законамъ. Припужденные выселиться, бѣдняки-супруги уносятъ съ собою лишь боговъ-ларовъ, составляющихъ ихъ святыню, и оборванныхъ дѣтей. Вотъ, какъ бы хотеть сказать гуманный римскій поэтъ, все, что у нихъ есть. Какъ же долженъ быть жестокъ человѣкъ, который рѣшается на подобный незаконный и грубый поступокъ! ¹⁾—Несправедливость и пороки заслуживаютъ осужденія. Но строго судя другихъ, мы должны быть столь же строгими къ себѣ самимъ; примѣнять же къ другимъ иную мѣру, чѣмъ къ себѣ, несправедливо. „Если ты разсматриваешь свои погрѣшности какъ большой глазами, намазанными мазью, то почему пороки друзей ты разглядываешь такъ зорко, словно орелъ или зѣбѣ энидаврскій“? ²⁾. Къ маленькимъ погрѣшностямъ друзей нужно относиться снисходительно, потому что „никто не родится безъ недостатковъ; лучшій есть тотъ, кого обременяютъ мевыііе недостатки“ ³⁾. „Кто требуетъ, чтобы другъ не брезгалъ его паростами, тотъ пусть прощаетъ прыщи у друга“ ⁴⁾. Справедливо было бы, чтобы тотъ, кто желаетъ (отъ другихъ) снисхожденія къ (своимъ) погрѣшностямъ, и самъ отвѣчалъ снисхожденіемъ (къ погрѣшностямъ другихъ) ⁵⁾. „Тщательно изслѣдуй себя

¹⁾ Carm. II, 18, 23—28.

²⁾ Sat. I, 3, 25—27.

³⁾ Ibid., v. 68 - 69.

⁴⁾ Выраженіе Горація напоминаетъ некоторымъ толкователямъ текстъ у Мате. VII, 3, причѣмъ замѣчается, что tubera относятся къ verrisae, какъ бревно къ спицу въ указанномъ мѣстѣ Евангелія.

⁵⁾ Sat. I, 3, 73—75.

самого, не вложила ли въ тебя природа или дурная привычка какихъ нибудь недостатковъ: вѣдь на запущенныхъ поляхъ вырастаетъ паноротникъ, который выжигать слѣдуетъ“ ¹⁾).

Всѣ эти, вѣрѣно поучительныя и для нашего времени, всегда искреннія и умныя сужденія, высказывались поэтомъ почти исключительно въ виду потребностей настоящей или (если выразиться примѣнительно къ нашимъ, христіанскимъ понятіямъ) земной жизни. Мораль Горация, направленная къ устройенію жизни человѣка до момента его смерти, за предѣлы смерти почти не простиралась. Мотивируя свои сужденія по вопросамъ нравственнымъ и указывая основанія, по которымъ тотъ или другой образъ дѣйствій заслуживаетъ предпочтенія, Гораций обыкновенно бралъ ихъ или изъ философіи или изъ жизни, но не изъ области за предѣлами настоящаго существованія человѣка. Совѣтуя поступать такъ, а не иначе, онъ лишь въ рѣдкихъ случаяхъ руководился тѣмъ, что мы называемъ издвоздааніемъ за гробомъ, такъ какъ, подъ вліяніемъ, можетъ быть, эпикурейской философіи въ изложеніи Лукреція ²⁾, онъ повидимому плохо вѣрилъ въ это издвоздааніе, а равно и въ самое безсмертіе, или по крайней мѣрѣ мало думалъ объ этихъ предметахъ. Къ такому заключенію приводитъ ограниченность относящихся сюда стиховъ и отдѣльныхъ выраженій поэта и ихъ содержаніе. Такъ, рекомендуя своему другу Деллію пользоваться жизнію для наслажденій (впрочемъ умѣренныхъ и чуждыхъ страстнаго возбужденія), поэтъ повидимому мотивировалъ такой совѣтъ лишь тѣмъ, что-де все вѣдь равно, рано или поздно придется слѣдаться, „жертвой безжалостнаго Орка“ и на ладѣ Харона пойти „въ вѣчную ссылку“ ³⁾), — взгляды совершенно расходящіяся съ взглядомъ напримѣръ Virgilія и Цицерона на смерть, какъ на

¹⁾ Sat. I, 3, 34—37.

²⁾ Сравн. Lucr. De rer. nat., III, 37 sqq., 830 sqq. Сравн. также Sat. II, 6, 93—94.

³⁾ Carm. II, 3, 24—28. Сравн. II, 18, 29 слѣд. и III, 1, 14—15. Сравн. Буассье, 227.

возвращеніе въ отечество и къ подлинной жизни ¹⁾, в мало гармонизирующей съ мыслию о будущемъ издовоздаяніи, если такая мысль и была у Горація.

Отрицать существованіе у Горація когда бы то ни было указанной мысли трудно ²⁾. Онъ говорилъ о „душахъ благочестивыхъ“, которыхъ Меркурій „приводитъ въ назначенныя имъ жилища радости“ въ Елизій ³⁾. Онъ упоминалъ о „богатыхъ островахъ“ (островахъ блаженныхъ) ⁴⁾. Въ одной изъ своихъ одъ, упоминая объ увашемъ на него деревѣ, Горацій говорилъ, что онъ, вслѣдствіе этого, едва не увидалъ „царства мрачной Прозерпины, и судящаго (въ подземномъ царствѣ) Эака, и отдѣленныя (отъ Тартара) жилища благочестивыхъ, и Саифо, на волійскихъ струнахъ жалующуюся на дѣвъ — соотечественницъ, и тебя, Алкей, поющаго о тяжелыхъ бѣдствіяхъ (своего) плаванія по морю, бѣгства, войны. Тѣни съ удивленіемъ внимаютъ пѣснопѣніямъ обоихъ (пѣснопѣнцямъ), достойнымъ священной (т. е. господствующей при священныхъ дѣйствіяхъ) тишины; но болѣе жадно слушаетъ толпа, тѣсно сглотившаяся плечо къ плечу, о битвахъ и изгнанныхъ тиранахъ. Что удивительнаго (въ этомъ), когда изумленный тѣми пѣснями (и усыпленный) стоголовый звѣрь (Церберъ) опускаетъ (свои) черныя уши, и зѣбы, завившіяся въ волосахъ Евменидъ, отдыхаютъ. Даже Прометей и отецъ Пелопса (Танталъ), подь звуки сладкіе, забываютъ о своихъ мученіяхъ, и Оріонъ (страстный охотникъ) не заботится объ охотѣ за львами и робкими рысями“ ⁵⁾. Здѣсь есть рѣчь и о судьѣ преисподней, и объ обителяхъ благочестивыхъ, и о занятіяхъ подземныхъ жителей тѣмъ самымъ, чѣмъ занимались они при жизни, — вообще загробная жизнь изображается съ нѣкоторыми изъ тѣхъ именно чертъ, которыя придавались ей народной вѣрой. Но, въ виду малочисленности подобныхъ мѣстъ у Горація, трудно

¹⁾ Сравни. Буассье, 251.

²⁾ Сравни. Rizzi, 19.

³⁾ Carm. I, 10, 17—18. Сравни. I, 24, 16—18.

⁴⁾ Erod. 16, 42; Carm. IV, 8, 27.

⁵⁾ Carm. II, 13, 21—39. Ср. Patin, Étud. sur la poésie lat. 1875, t. I, p. 91—92.

не предположить, что рисуемая Горациемъ картина загробнаго міра не была порождена твердой и глубокой вѣрой въ будущую жизнь и воздаяніе за гробомъ, что она была создана главнымъ образомъ подъ вліяніемъ желанія показать могущество поэзіи и прославить Алкея и Сапфо, бывшихъ образцами для Горациа въ лирической поэзіи, что она была по преимуществу плодомъ его фантазіи, простой группировкой ходячихъ данныхъ мифологіи. Это подтверждается отчасти и тѣмъ, что у Горациа, какъ видно изъ приведенной картины, нѣтъ вполне яснаго представленія о подземномъ мірѣ и его частяхъ ¹⁾. Гораций такъ рѣдко упоминаетъ о загробномъ мірѣ, что признать его человекомъ, мало думавшимъ объ этихъ предметахъ, не будетъ большой смѣлостью. Но можно, кажется, сказать больше. Принимая во вниманіе, что Гораций, часто возвращающійся къ мысли о неизбежности смерти, обыкновенно говоритъ при этомъ лишь о необходимости брать отъ жизни все, что она можетъ дать, и что мысль о будущей жизни не играетъ никакой роли въ его морали, — позволительно допустить, что Гораций былъ склоненъ, по временамъ, по крайней мѣрѣ, считать смерть концомъ всего ²⁾ и признавать безсмертіе лишь въ памяти людей ³⁾. Во всякомъ случаѣ Гораций не задумывался надъ тѣмъ, что будетъ съ людьми послѣ смерти, и въ этомъ отношеніи представлялъ почти противоположность Вергилію, который въ шестой книгѣ Энеиды, на основаніи народныхъ преданій и философскихъ ученій, такъ подробно изобразилъ жилище мертвыхъ, съ его раздѣленіемъ на Тартаръ, Элизій и переходную область между ними, съ судилищемъ подземнымъ, съ мученіями грѣшныхъ и блаженствомъ праведныхъ ⁴⁾.

¹⁾ Сравн. комментарий Кисселинга.

²⁾ Сравн. Epist. I, 16, 79.

³⁾ Сравн. Carm. II, 2, 7—8; IV, 8, 13—15.

⁴⁾ Сравн. Буассье, 228 и дал.

Въ одной изъ сатиръ Горация рабъ его Дава говоритъ поэту, что онъ, восхваляя счастье и нравы стариннаго люда, самъ однако не вернулся бы къ этимъ нравамъ, потому ли, что въ глубинѣ души не считаетъ лучшимъ то, о чемъ проповѣдуетъ другимъ, или потому, что не въ силахъ освободиться отъ своихъ недостатковъ ¹⁾. Не подлежитъ сомнѣнiю, что многія изъ обвиненiй, въ свое время выставленныхъ противъ Горация и вложенныхъ имъ въ уста Дава, также какъ и упрёки, выраженные по другому случаю Дамазинномъ ²⁾, явно преувеличены или же неправдоподобны, причежъ одни изъ нихъ могутъ имѣть значенiе лишь съ точки зрѣнiя абсолютной добродѣтели, другiе совсѣмъ не могутъ относиться къ Горацию. Но упомянутое выше обвиненiе въ непоследовательности трудно признать ложнымъ и даже сильно преувеличеннымъ ³⁾. Ставить это въ большую вину Горацию врядъ ли было бы справедливо; но отрицать самый фактъ нѣтъ основанiй. Объясняется онъ также точно, какъ и другiя, наблюдаемыя у Горация, противорѣчiя между его словомъ и дѣломъ.

Такихъ противорѣчiй открывається у него не мало. Онъ напримѣръ говоритъ: „сладко и почетно умереть за отечество“ ⁴⁾, а между тѣмъ самъ, притомъ въ периодъ наибольшаго увлеченiя идеею патриотизма, бѣжалъ съ поля битвы при Филиппахъ, бросивъ при этомъ даже свой щитъ ⁵⁾. Гораций несомнѣнно любилъ

¹⁾ Sat. II, 7, 23 слѣд.

²⁾ Sat. II, 3.

³⁾ Несомнѣнно, что Гораций влагасть въ уста Дава и нѣкоторые изъ упрёковъ, которые самъ себѣ дѣлалъ. Сравни. Sat. II, 7, 28—29 съ Epist. I, 8, 12.

⁴⁾ Carin. III, 2, 13.

⁵⁾ Carin. II, 7, 9—10. Особенно упрекать Горация за этотъ его поступокъ было бы не вполне основательно, не только въ виду того, что въ теченiе почти двухъ лѣтъ, проведенныхъ поэтомъ въ войскѣ Брута до битвы при Филиппахъ, ему приходилось часто бывать въ крайней опасности (Carin. II, 7, 1—2) и что безъ военныхъ заслугъ онъ не могъ бы сдѣлаться tribunus militum у Брута, но и въ виду того, что даже великiе полководцы искали спасенiя въ бѣгствѣ, что мужество военныхъ людей въ значительной степени условливается крѣпостью ихъ физическихъ силъ, а Гораций въ этомъ отношенiи не могъ ничѣмъ похвалиться, — что военныхъ инстинктовъ не было въ

Римъ, желалъ ему силы и славы, болѣлъ душою объ его потрясеніяхъ и однако онъ своему другу Гиррину Квинцію соговѣтовалъ не думать напряженно о томъ, что замышляютъ воинственные кантабры и скионы, вообще не мучиться опасностями, грозящими Риму съ запада и востока, и за политическими дѣлами не забывать наслажденій, такъ какъ юность, красота и любовь скоротечны ¹⁾. „Ты, обращаясь онъ къ Меценату, заботишься объ устройствѣ государства, приличною для него и, въ тревогѣ, боишься, что готовить городу (Риму) Серы, и (нѣкогда) подвластныя Кирю Бактры, и Донъ несогласный“, т. е. около Дона обитавшіе скионы, находившіеся во взаимной враждѣ, вообще—ты радѣешь о внутреннемъ и вѣншнемъ благосостояніи государства; но, такъ какъ отъ людей сокрыто будущее, то лучше наслаждайся настоящимъ ²⁾. И самъ Гораций былъ беззаботенъ относительно вѣншней политики Рима ³⁾.

Подобныя противорѣчія у поэта объясняются частію изъ случайнаго настроенія минуты, которому поэтъ отдавался или произвольно, вельдствие временной слабости воли (о которой упоминалъ и самъ онъ, когда говорилъ, что онъ стремится къ тому, вредъ чего извѣдалъ на опытѣ, и избѣгаетъ того, что считаетъ полезнымъ ⁴⁾), или произвольно (какъ бывало съ нимъ въ тѣхъ случаяхъ, его натуръ, склонной къ интересамъ мирной жизни,—что порывъ энтузіазма, охватившій его сначала, не могъ долго продолжаться, при его скептической природѣ,— что грабежи и насилія, чинившіеся партією Брута, не могли питать его расположенія къ республиканскимъ идеаламъ (см. біограф. Горация у Д. Миллера, стр. 16—17). Гораций уже съ самаго начала своего участія въ междоусобной войнѣ, съ ея кровопролитіемъ и неправдами, могъ получить то отвращеніе ко всѣмъ гражданскимъ войнамъ, которое впоследствии съ такою силой высказывалъ (Сарм. I, 2, 21 сл.; 14, 1 сл.; 35, 33 сл.; 37, 20—21; III, 24, 26—29 и друг.). Однако тотъ фактъ, что самъ Гораций не умеръ за родину и ея интересы или за то, что считалъ ея интересами, между тѣмъ какъ поздне, когда у него не могло быть прежняго энтузіазма, признавалъ сладкою смертью за отечество, остается все же фактомъ.

¹⁾ Сарм. II, 11, 1 сл.

²⁾ Сарм. III, 29, 25 сл.

³⁾ Сарм. I, 26, 5—6.

⁴⁾ Epist. I, 8, 11.

когда онъ приглашалъ друзей бросить дѣла и заботы и ловить часы веселья),—частію изъ нѣкоторыхъ общихъ правилъ, сложившихся у Горация подѣ влияніемъ философскихъ ученій, которымъ слѣдовалъ онъ въ разные періоды жизни.

Гораций началъ съ Эпикура, который въ умѣренныхъ наслажденіяхъ, духовныхъ и матеріальныхъ, усматривалъ высшій идеаль человѣческаго счастья. Такое ученіе какъ нельзя болѣе подходило къ натурѣ Горация, склонной къ наслажденіямъ, и онъ сталъ эпикурейцемъ, въ теоріи и практикѣ, сдѣлался большимъ любителемъ пустыхъ удовольствій, смѣявшимся надъ строгими правилами стоиковъ. Но когда гнѣси, любовь и пиры стали надобѣдять Горацию, когда пламень юшескихъ страстей началъ погасать, а тягости приближающейся старости больше и больше стали давать себя чувствовать, когда поэтъ сильнѣе началъ интересоваться высшими вопросами жизни, на которые не было удовлетворительнаго отвѣта въ Эпикуровомъ ученіи, тогда онъ чаще и чаще сталъ обращаться къ діаметрально противоположной ¹⁾ стоической философіи ²⁾, учившей, что не наслажденіе, а добродѣтель есть высшее и единственное благо. Въ нѣкоторыхъ своихъ одахъ и эпистолахъ Гораций и выражалъ ученіе стоической философіи ³⁾, положенія которой онъ когда-то осмѣивалъ ⁴⁾. Находясь подѣ нѣкоторымъ влияніемъ этой философіи и стремясь поддержать предпринятая или еще только предложенныя Августомъ нравственныя реформы,

¹⁾ Въ одномъ сходились оба названныя системы (и это ихъ сходство, быть можетъ, имѣло свое значеніе въ «нравственномъ обращеніи» Горация), именно—въ призваніи покоя духа высшей мудростью и высшимъ благомъ.

²⁾ На основаніи Сарт. II, 2, 19 сл., Тейфель (Gesch. d. r. L., 3 Aufl., s. 490) полагаетъ, что Гораций сдѣлался справедливѣе къ стоицизму около 730 (24) года—II года своей жизни. Тотъ же изслѣдователь въ Charact. d. Horaz., 60, высказалъ догадку, что «обращеніе Горация отъ его досельшняго легкомыслия къ болѣе свойственной ему по природѣ серьезности и солидности» послѣдовало около того времени, когда были написаны Sat. II, 3 и Epod. 11, т. е. около 721 (33—32 года жизни поэта).

³⁾ Однако въ нѣкоторыхъ одахъ даже серьезнаго содержанія Гораций выражалъ эпикурейскіе взгляды. Сравни. II, 3 и II, 16.

⁴⁾ Сравни. Sat. II, 3 и 7.

Гораций написал значительное число одъ, въ которыхъ, отчасти или вполне отрекаясь отъ эпикурейскихъ воззрѣній, принималъ стоическiя ¹⁾). Онъ выяснялъ въ образахъ и на примѣрахъ стоическое положенiе о томъ, что самый богатый есть тотъ, кто всего меньше желаетъ, что одинъ мудрецъ богатъ и что мудрый есть истинный царь ²⁾), говорилъ, что лишь добродѣтель можетъ дать счастье ³⁾), признавалъ стоическiй идеалъ жизни, указываемый стоиками въ томъ, чтобы человекъ самъ былъ господиномъ для себя ⁴⁾) и т. д. Въ стоицизмъ особенно склонился Гораций тогда, когда писалъ свои письма. Такъ, въ одномъ изъ писемъ онъ проводилъ весьма характерное положенiе стоиковъ, что всѣ проступки равны. Гораций писалъ: „когда ты крадешь у меня изъ тысячи модiевъ бобовъ одинъ (модiй), то для меня лишь убытокъ меньше, а не проступокъ“ ⁵⁾). Впрочемъ и теперь онъ не прочь былъ иногда благодушно посмѣяться надъ нѣкоторыми парадоксами стоиковъ ⁶⁾), и теперь не отказался онъ отъ практическаго эпикурензма или эпикурензма въ жизни, совѣтуя напримѣръ своему другу, элегику Тибуллу, въ письмѣ къ нему, наслаждаться жизнью, безъ заботы о будущемъ, какъ дѣлаетъ-де и онъ самъ, Гораций, причемъ называлъ себя, за свою беззаботную и преданную спокойному наслажденiю жизнь, „поросенкомъ изъ стада Эпикура“ ⁷⁾). Даже въ своемъ первомъ письмѣ первой книги, которое служило прологомъ къ письмамъ этой книги и было составлено не позже 734 (20) года, т. е. на 45-году жизни ⁸⁾), Гораций говорилъ, что у него нѣтъ какого нибудь одного вождя въ фи-

1) Carm. II, 15, 1 сл.; 18, 1 сл. Срав. III, 1, 25 сл.; III, 6.

2) Carm. II, 2, 9 сл.; III, 16, 39.

3) Carm. II, 2, 17 слѣд.

4) Carm. III, 29, 41 и слѣд.

5) Epist. I, 16, 55—56. Сравн. здѣсь же ст. 78—79, гдѣ Гораций, подъ влiянiемъ стоиковъ, извиняетъ даже самоубiйство въ известныхъ случаяхъ.

6) Epist. I, 1, 108.

7) Epist. I, 4, 1—16.

8) См. Tab. chronol. Horat. и комментарий Шютца.

лософіи, что онъ то присоединяется къ стоикамъ, то обращается къ Аристиппу, учившему, что высшее счастье заключается въ наслажденіи, впрочемъ такомъ, при которомъ человекъ не теряетъ своей свободы ¹⁾. Вообще Гораций, какъ и многіе образованные римляне его времени, въ вопросахъ нравственныхъ былъ эклектикомъ и, стремясь составить для себя пригодную философію жизни, не заботился о цѣльности этой философіи, о полной выдержанности положенныхъ въ ея основаніе правилъ.

Александръ Садовъ.

¹⁾ Epist. I, 1, 13—19. Сравни. *Wiedel*, De Horatio poeta philosopho 1875, pag. 21. Авторъ настоящей статьи получилъ указанную диссертацию, въ сожалѣнію, въ самое послѣднее время.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия Русской Православной Церкви – высшее учебное заведение, целью которого является подготовка священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений и специалистов в области богословских и церковных наук. Академия состоит из следующих подразделений: академия, семинария, подготовительное отделение семинарии, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках процесса компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта – ректор академии епископ Гатчинский **Амвросий** (Ермаков). Куратор проекта – проректор по научно-богословской работе протоиерей Димитрий Юревич. Материалы журнала подготавливаются в формате pdf, распространяются на компакт-диске и размещаются на сайте академии.

На сайте академии
www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки